

Татьяна Иванова

РОССИЙСКИЕ
СОЛИДАРИСТЫ:
ЛЮДИ И КНИГИ

Издательство
«За Россию»

Татьяна Иванова

РОССИЙСКИЕ
СОЛИДАРИСТЫ:
ЛЮДИ И КНИГИ

Издательство
«За Россию»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Татьяна Ильинична Иванова родилась в семье врача и инженера-путейца в 1943 году в Ржеве. Закончила Московский университет. Журналистикой занялась еще в школьные годы, сотрудничала в заводских многотиражках. С 1961 года — в московских газетах. Затем в «Неделе», где чувствовала себя не слишком уютно из-за своей привязанности к писателям-деревенщикам, затем в журнале «Наш современник», откуда меньше чем через год пришлось бежать, поскольку лучшие умы редакции догадались, что Иванову в редакции подослали масоны. Последнее место работы — Союз писателей СССР. Но через год пришлось расстаться и с ним, поскольку лучшие советские писатели — секретари СП, лауреаты госпремий, народные депутаты и члены ЦК написали жалобу в идеологический отдел ЦК. В жалобе говорилось, что публикации Татьяны Ивановой в «Огоньке» и «Книжном обозрении» дискредитируют Союз писателей, наносят ущерб нравственному здоровью общества, подрывают основы коммунистической идеологии, а самих лучших писателей выбивают из творческой колеи.

С 1988 года — на вольных хлебах. Ведущая собственных рубрик на радиостанциях «Эхо Москвы», «Голос России» «Радио России», в газете «Книжное обозрение», в журнале «Новое время». Сотрудничала с газетой «Демократическая Россия» с первого номера до последнего. В последние годы — постоянный автор журнала «Посев».

Коммунистическую идею смолоду понимала как светлую и справедливую. Любила слова «свобода, равенство, братство». Не сомневалась, что революция была во имя свободы, а всю советскую историю воспринимала как страшное искажение идеи и цели революции. Сутью «Коммунистического манифеста», никогда от начала до конца не прочитанного, считала фразу «Свободное развитие каждого является условием свободного развития всех». Эту фразу старалась вставить чуть ли не в каждую свою статью, а когда ее снимала цензура (цензура снимала ее постоянно) ощущала себя почти борцом. В возможность социализма с человеческим лицом — верила.

Пражскую Весну любила и горько оплакивала. Режим, при котором выпало жить, с детства воспринимала как кровавый, безжалостный, страшный и несокрушимый. Всегда считала, что никакого отношения к коммунизму он никогда не имел. Видимо, была не так уж и не права. Понимала свой долг, очень жалея соотечественников, в том, чтобы по возможности хотя бы не дать им совсем забыть, что такое свобода. И только о ней — свободе — всегда и писала, какой бы ни была тема статьи. Классиков марксизма-ленинизма знала по работам «диссидентов от марксизма» и цитатникам, типа «Ленин о демократии», составленным ими же. Классикам поручала говорить все о той же свободе — им было можно то, чего другим было категорически нельзя. Наверное, кого-то из своих читателей сбивала с толку, соблазняла. По неведению, по невежеству. Но этим не оправдаешься. Все равно — виновата. Все равно — грех.

Последние несколько лет отданы попытке искупить его.

Т. Иванова.

НА СЛУЖБЕ РОССИИ

1. Война аббревиатур

Приступаю не без робости. Слишком многие уверены „чёрное“! А я собираюсь доказать „белое“! Слишком многим вообще безразлично – чёрное оно или белое, – неинтересно, и всё. А я хочу убедить их: интересно. „Но сейчас–то зачем?“ – скажут даже те, кто со мной не спорят, кто согласен, что „белое“, что „интересно“, – „Зачем сейчас, когда всё это уже в прошлом?“ А я хочу сказать, что нужно и необходимо сейчас нам, а значит, нашей стране.

„И последний вопрос, который я хотел вам задать, – ваше отношение к НТС?..

– Вы знаете от слова НТС волосы дыбом встают“.

Это замечательный артист и народный депутат России Олег Басилашвили ответил на вопрос корреспондента журнала „Посев“. Не самый тёмный человек в России. Не самый зашоренный. И такая энергия чувств: от слова – от слова! – волосы встают дыбом...

Газетной статьёй пытаться переломить столь сильные чувства – всё равно что плетью перешибать обух. Дело, по утверждению никогда не ошибающейся народной мудрости, вполне безнадежное. Правда та же самая мудрость гласит, что капля камень точит. Некоторое количество капель информации об НТС в родную почву уже попало. Но что мы знали, что вдалбливалось в наши головы на протяжении нескольких десятков лет?

Пытаясь сообразить, что именно вдалбливалось, я вспомнила о существовании одного труда и подумала, что в нём найду концентрат, полный свод. И не ошиблась – нашла. Книга называется „ЦРУ против СССР“. В последние годы её вспоминали часто и многие. В основном потому, что именно в связи с этой книгой её автору – известному советскому учёному профессору Николаю Николаевичу Яковлеву – крепко вмазал по роже академик и нобелевский лауреат Андрей Дмитриевич Сахаров. Пощёчица была публична и произвела видимо большое впечатление на присутствующих потому, что никто из них прежде не только не видел, но и не слышал от других, что Андрей Дмитриевич и это умеет делать красиво и ловко.

Словом, взяла–то я монографию профессора Яковлева в руки с простой целью – не роюсь по газетным подшивкам, посмотреть, что именно

у нас принято было писать об НТС, посредством каких слов, фраз, каким лексическим, стилистическим методом советская пропаганда достигла столь замечательного успеха. Как, ей-Богу, надо расположить на страничке подлежащие, сказуемые, определения, запятые и точки, как их надо располагать раз за разом, изо дня в день, из года в год, из десятилетия в десятилетие, чтобы даже у интеллигентных милых начитанных людей при одном звуке, при произнесении одной аббревиатуры волосы дыбом вставали. Ну, профессиональный интерес.

Вот она, знаменитая книга. Издана „Правдой“ в 1985 году. Тиражом в 250 тысяч экземпляров. Издание это далеко не первое, и не уверена, что последнее. Знаете, я увлеклась книгой. Я просто не могла оторваться. Вот давайте сыграем с вами в небольшую угадайку. Я приведу несколько отрывков из книги профессора Яковлева. А вы угадайте о ком в них идёт речь !

„В 1957–1958 годах по Москве шнырял малоприметный человек, изъеденный злокачественной похотью прославиться. Он нащупывал контакты с теми, кто мог бы переправить на Запад и опубликовать пасквили на родную страну. Товар был самого скверного качества“.

„Уголовник, как и надлежит профессиональному преступнику, был настороже“.

Живёт он „не только доходами от спекуляции джинсами, колготами, шариковыми ручками... Деньги выпрашивает у иностранцев... Жена взяла в обычай бить его чем попало... Затрецинами приучала к привычному для неё жаргону... Что делать? Вмешаться? Оставить как есть? Забьёт...“

Отгадки: по Москве шнырял Солженицын, насторожившийся уголовник – Буковский, спекулировал колготками и был едва не забит женой – Сахаров.

Можно было бы потешить публику ещё презищнейшими пассажирами о Снявском, Гинзбурге, Орлове, Галанкове, Любарском. Обо всех профессор Яковлев написал просто шикарно! Немножко только кто-нибудь может не понять, при чём тут ЦРУ, ведь книга называется „ЦРУ против СССР“. Есть там и про ЦРУ, про всяких американских президентов, про, Господи, прости, советологов, которые все, конечно, шпионы. Но главное – главное в этой книге – продавшиеся ЦРУ наши соотечественники. Позор наш, вроде Солженицына с Сахаровым.

А продаться им всем помогал именно НТС. Чтобы было понятно современному читателю, НТС был вроде торгово-посреднической фирмы. Такая роль. О каком профессор предателе и враге советского народа ни заговорит, непременно приходится ему говорить об НТС – ну, нет исключений.

Причём, заметьте: НТС – жалкая чучка ничтожнейших подонков, жуликов, которые никому, кроме них самих, и неинтересны. А ЦРУ, вроде, фирма солидная, хоть и очень, конечно, омерзительная. Но без НТС ничего у ЦРУ не получается, да ЦРУ без НТС ничего и делать, похоже, не пытается.

Когда мы удивляемся низкой гуманитарной культуре друг друга, надо бы нам удивляться пореже, а профессоров своих вспоминать почаще...

Хотя, повторяю, увлечение моё монографическим трудом профессора Яковлева было велико (теперь, надеюсь, понятно, почему), о главной своей цели я не забыла. Слова, словосочетания, стилистические обороты, относящиеся к НТС, мною подчёркнуты, всесторонне рассмотрены, тщательно и глубоко обдуманы. Ответ на вопрос – как с помощью этих слов и словосочетаний можно достичь столь ошеломительного результата, как достичь поразительного эффекта (чтоб при слове НТС волосы дыбом!) – ответ не найден. Секрет не разгадан. Может быть среди моих читателей найдутся более сообразительные люди? Может быть кто-нибудь поймёт в чём здесь, как ныне выражаются, фишка? Тогда пусть напишет...

„На балаганных съездах в 1932 и 1934 годах был оформлен НТСНП (национально–трудовой союз нового поколения)... Началось составление самых сумасбродных проектов, которые на бумаге выводили молодых антисоветчиков к желанной цели – уничтожению народной власти в нашей стране... Подпольщиков и террористов из энтээсовцев не получилось. Как дело доходило до практических действий, нервишки сразу подводили, явственно обозначалась дрожь в коленках... Зоологический антисоветизм обеспечивал энтээсовцам великолепные верительные грамоты в дверях иностранных разведок... Вот их „программные положения“: „ 1. Свержение коммунистической власти... 8. Установление права частной собственности... 10. Недопущение проявления классовой борьбы...“

Неужели такие тексты на кого–то из нас действовали? Отчего тут волосам–то вставать? Хладные официально–пропагандистские клише. В любой из первых фраз правду даже и заподозрить нельзя. Где пошла программа – все три приведенных пункта кажется ни у кого никаких особых содроганий не должны были вызывать.

Вот, может быть, это: „Как старые эмигранты, такие, как (перечислятся имена, не хочу трепать их здесь даром. – *Т.И.*) так и „новые эмигранты“ (изменники Родины в годы второй мировой войны) – (опять имена. – *Т.И.*) – были в самых задушевных отношениях с гестапо, а многие из них запятнали себя кровью советских людей“. Да, вот это пассаж для советского человека болезненный. Измена Родине, гестапо,

убийства... „Власовцы, энтээсовцы – фашистское отребье“. Опять в яблочко. Власовцы воевали на стороне фашистов – что мы знали ещё об армии Власова, о самом Власове? Ничего. Только в самое последнее время появились публикации, но ещё редкие, ещё очень малыми тиражами. До реабилитации Власова в массовом сознании и сейчас далеко, а пять, десять, двадцать лет назад? „Этого клейма не стереть... Именно НТС оплодотворил фашистскими идеями безмозглых бандитов, пошедших за Власовым, дал им идеологию...“. Безмозглых бандитов...

Безмозглых бандитов, профессор? Столько тысяч безмозглых бандитов во главе со своими офицерами, комиссарами, командирами попали в окружение? Безмозглых бандитов – которым нечем было не только отстреливаться, но и застрелиться, и неоткуда было узнать где фронт, а где тыл... Целая армия безмозглых бандитов – бред, небывальщина, ахинея. Не могли мы верить таким словам и словосочетаниям, не могли обольщаться ими. Но – глотали. Заглатывали. Школьники от учителей, студенты от профессоров, читатели газет от мастеров пера.

Глупы ли мы? Так ли мы полны ненависти и подозрительности друг к другу, что можем вообразить себе целую армию безмозглых бандитов, предателей и подонков, целую армию, где юные рядом со взрослыми и даже старыми, где люди, жившие в наших городах, похожие на наших сыновей, отцов, братьев, певшие те же песни, читавшие того же Пушкина? Может быть, мы сами так безнравственны, что в предательство целых армий нам легко верить, сверяясь с собственной душой?

Нет, дорогие мои. Нет, профессор Николай Николаевич Яковлев. Вы – то, профессор, историк, знали, что врётё. Работа у вас была такая. А мы – то... Я говорю „мы“ про всех, кто читал эти тексты, мы, полагаю, не вашим публицистическим мастерством были пленены, не словесными оборотами вы покорили наше сознание.

Жутью, страшным страхом веяло от подобных текстов. Опасностью для каждого. Эти тексты писались и публиковались не для того, чтобы разоблачить НТС, ЦРУ и их совместные происки, нет. Эти тексты писались, чтобы каждый, кому они попадутся на глаза, мысленно поставил себя на место Власова и безмозглых бандитов, пошедших за ним, на место тех, кто осмеливается формулировать „свержение коммунистической власти“, „частная собственность“, „прекращение классовой борьбы“... Как безошибочно, как блистательно отображены именно эти пункты программы, обратите внимание, первый пункт, потом восьмой и десятый. Самые страшные для советской власти, самые заветные и сокровенные для любого хоть чуть-чуть теплящегося сознания на всей одной шестой части суши во все семьдесят с лишком послереволюционных лет...

Вот для этого, именно для этого и только для этого нанизывал профессор Яковлев словечко к словечку в своём монографическом труде: „проходимцы из НТС“, „отъявленное жульё“, „ЦРУ взяло их на свой баланс“, „их программа, действующая по сей день, дикая абракадабра, анализировать которую совершенно невозможно“, „их программа – малограмотная стряпня“, „претензии НТС смехотворны“...

Меряет, бывало, обыкновенный читатель газет подобные тексты на себя, может, и несознательно, может, невольюно, прикидывает, каково оказаться в шкуре Солженицына, Сахарова, Буковского, Гинзбурга, Даниэля, Синявского, – и ужас. И – волосы дыбом. И – не возникает. Что и требовалось.

Эта книжка на самом деле должна была называться не так, не „ЦРУ против СССР“. Она должна была называться „СССР против НТС“. Оно куда точнее отвечало бы и содержанию, и смыслу, и сути, и цели произведения.

В 1980 году был юбилей НТС. Организация, естественно, дату отмечала. Это вызвало смеховой припадок у профессора Яковлева: „главари ознаменовали дату выдачей поряточной порции туфты...“ А „главари“ тогда выдвинули тезис о неких конструктивных силах общества – нашего советского общества. Они, „главари“, говорили, что показалось профессору особенно смешным, будто эти конструктивные силы – директора предприятий, командиры полков, настоящие учёные... „Совсем зазнались“, – заключает Н.Н.Яковлев.

Исключительно интересно! Дело в том, что и я читала те материалы, над которыми потешается Яковлев. Там всё, знаете ли, на самом-то деле ещё смешней. Там и состав „конструктивных сил“ шире, да и перспективы их предсказаны с поразительной точностью. Профессору, видимо, просто страшно было самому читать. А выписать собственной рукой, перепечатать, включить в свою книгу – того страшнее. И я отлично понимаю профессора: когда читаешь материалы НТС сегодня – многое восхищает, многое поражает. Но Яковлев-то по долгу службы читал их ещё тогда. Волосы у него, небось, дыбом вставали. Страшно же. Профессор-то тоже наш, здешний...

Последовательно и не спеша, вместе с вами я собираюсь прочесть те материалы, которыми пользовался для написания своей книги (написанной в жанре „решительный бой НТС“) Н.Н.Яковлев. Нам надо знать, что же это такое на самом деле – НТС. И какие они, наши соотечественники, жившие нашей жизнью, боровшиеся за свободу нашей Родины, свободно обдумавшие все её трагические проблемы, давно догадавшиеся о многом, о чём мы начали догадываться только сейчас, давно предсказавшие, как у нас станут развиваться события, – с поразитель-

тельной точностью, понимающие, как надо на них влиять, чтобы избежать трагедий.

В нашем распоряжении порядочно книг. В следующий раз мы начнём с монографического труда (не к брошюркам же кидаться после такой книги, как „ЦРУ против СССР“!). Автор его – Аркадий Петрович Столыпин, открывает для нас неизвестную Россию, страницу российской истории, которой мы можем гордиться.

„Книжное обозрение“, № 26, 26 июня 1992 г.

2. В поисках ключа

Но прежде чем мы откроем книгу А.П.Столыпина, познакомимся с одним пассажем из программного документа НТС. Нам, может быть, после такого знакомства станет яснее, от чего приходили в неопишуемый ужас идеологи КПСС и почему они так старались довести общество до состояния, когда от одного этого сочетания букв – НТС – у рядового гражданина волосы вставали дыбом и рядовой гражданин шарахался от НТС, как чёрт от лаdana. Логика борьбы понятна? Идеологи читают страшное для себя предсказание, понимают, что предсказание настолько точное, что похоже и на рецепт, и на инструкцию. Что надо сделать, чтобы защитить себя от этого предсказания–рецепта? Отвратить людей от предсказателей. Опорочить их. Выдать за таких нелюдей, за таких врагов, таких адовых страшилищ, чтобы всем было ясно: любое соприкосновение с этим отродьем антиобщественно и достойно самой суровой кары. А по части суровых кар советские люди отлично осведомлены. Тут им долго объяснять ничего не надо.

Вот что много раз читал в документах НТС допущенный к ним Н.Н. Яковлев: „Политическая революция в СССР – это не событие, а процесс коренного, качественного изменения режима, в ходе которого будет ликвидирована культурная, хозяйственная и политическая монополия коммунистической партии. Наиболее вероятной формой этого процесса в сегодняшних условиях представляется ступенчатый снос диктатуры, при котором более молодые и радикальные, менее связанные условностью марксистского мышления группировки правящей партии будут постепенно оттеснять от власти более консервативные группы, пока на политическую арену не выдвинутся силы, стоящие полностью вне символов коммунизма, которые и завершат ликвидацию диктатуры“.

Да, НТС выдвинул понятие „конструктивных сил в правящем слое“. Да, НТС считал, что эти конструктивные силы, „сознавая свою ответственность за судьбы государства“, вступят в „противоборство с господствующим партаппаратом, добываясь коренных изменений режима“.

Охранители режима, такие как профессор Н.Н.Яковлев, отлично – куда лучше рядовых граждан – понимали, что всё это реальность. Они-то ведь широко общались именно в „правлящем слое“...

Почти сорок лет назад – сорок лет назад! – в документах НТС говорилось: „Правящий слой, по мере привлечения его к соучастию во власти и по мере дальнейшего своего расширения, сталкивается с проблемой ответственности, которая неизбежно расщепит его. Одна его часть, игнорируя народ, будет эгоистично добиваться от власти ещё больших гарантий и привилегий для себя, стремиться закрепить своё положение правящего слоя и оставить нетронутым основной фундамент режима. Другая часть будет добиваться от власти реформ и постепенной эволюции коммунистического режима к некой форме правового государства, которая в идеале часто приближается к одному из вариантов западно-европейского социализма. Радикальный реформизм – требование коренных, последовательных изменений, ведущих к правовому строю эволюционным путём. Это течение, по мере нарастания революционной ситуации, объективно станет союзником революционных сил в общей борьбе за единые конечные цели“.

Я цитировала документы НТС по предисловию Б.Пушкарёва к книге А.Югова „Прорабы“ по следам „диверсантов“. Могла бы цитировать и по другим книгам – нам ещё предстоит говорить о них. И предстоит узнать, кто такой Б.Пушкарёв и кто А.Югов, и познакомиться со многими другими деятелями НТС – тоже предстоит. И не раз ещё мы будем ошеломлены: НТС знал жизнь России куда лучше, чем мы, живущие в России. НТС прогнозировал развитие событий с потрясающей точностью. Более того, НТС всегда имел программу влияния на эти события, программу, которая позволяла повернуть развитие событий в благоприятном для граждан России, то есть для самой России, направлении. Словом, если бы мы знали, что есть такая партия...

Если бы мы знали, что есть такая партия, мы избежали бы многих катастроф. Но дело-то даже сейчас и не в этом, назад не повернёшь. Дело-то в том, что мне кажется: об этой удивительной партии надо как можно больше узнать гражданам России хотя бы теперь. Теперь, когда у нас такое количество партий – без истории, без чётких программ или с очень странными программами, объединяющих людей, которые непонятно почему объединились. Теперь, когда очень многим хотелось бы оказаться в кругу единомышленников, знать, что есть люди, для которых понятие солидарности свято. Теперь, когда гражданское чувство заставляет людей думать о возрождении России...

Книга А.П.Столыпина – краткий курс истории этой партии. Сам Аркадий Петрович в войну был подпольщиком НТС, а с послевоенных лет

член Совета НТС. Он журналист и редактор.

НТС родился в 1930 году, как ответ на торжество сталинщины в России. Организация поставила перед собой цель – свержение коммунистической диктатуры. В организацию решили принимать только тех, кто родился после 1895 года. Так получили отвод люди старшего поколения, прямо или косвенно виновные в происшедшей в России катастрофе. Идеологические поиски новой организации обращены к родной почве: Франк, Лосский, Бердяев, С.Булгаков, И.Ильин... Кажется, солидарность с первых дней становится фундаментом новой организации. Чтобы финансировать съезд организации, молодые люди продают свои талоны на обед в студенческих столовых на месяцы вперёд. „Эгоистическому „я“ противопоставляется солидаристическое „мы“, – пишет А.П.Столыпин в книге „На службе России“. – „Жертвенность... В организации начинает бытовать лозунг: „Да возвеличится Россия, да гибнут наши имена“. Многие и погибнут...“

Кажется, члены новой организации исходят из принципа, что побеждает не борющийся против чего-то. Побеждает борющийся за что-то. Исходная точка нового зарождающегося учения – солидаризма – проста: главное – солидарность между людьми и социальными слоями. Вместо личной и классовой борьбы. Философ Левицкий определяет солидаризм как социальную проекцию христианства, солидаризм неотрывен от русского православия. Но... Перед россиянами вечная проблема: что такое, вообще говоря, нация в применении к России? Вот попытка ответа: территория и живущее в течение веков на ней население, объединённое общим историческим прошлым, общей культурой, общим устремлением в будущее...

Солидаристы формулируют: „многонародная нация“. То есть сплочение сохраняющих свою самобытность народов в органическую общность, в „мы“.

К 1935 году Союз, как пишет Столыпин, „приобретает свои три специфических облика“. Это „Орден“, поскольку члены его спаяны чувством братства и общим кодексом чести. Это „Академия“, поскольку в нем вырабатывается философия. Это, наконец, „Организация“ – революционная организация. Тройственная сущность найдена. Она остаётся. Установлена и эмблема: трезубец – первый символ русского государства, знак великого князя Владимира Святого, на национальном трехцветном флаге.

Надеюсь, у моих читателей будет возможность взять в руки книгу Столыпина и самим прочесть её со вниманием. Ведь в газетных заметках, например, решительно нельзя изложить по пунктам все программные заявления нового союза. Книга же строится так: после главы,

очень кратко освещающей все основные события жизни организации, следуют „приложения“, где публикуются документы. Первые же приложения показывают: НТС не хотел ничего отличного от желаний людей, живших в Советской России. „Истинным правительством России может считаться лишь такая власть, которая положит в основание своей деятельности стремление к удовлетворению нужд и потребностей всей нации в целом, а не отдельных классовых, партийных и национальных группировок...“. Власть, которая стоит над партиями и классами, установление личных свобод, равенства всех перед законом, отсутствие классовых и сословных привилегий, создание крепкого землевладельца-собственника, закрепление для этой цели за крестьянами обрабатываемой ими земли, наделение землёй малоимущих и безземельных...

Старшее поколение эмигрантов хотело бы, чтобы сыновья и дочери жилались в заграничную жизнь, делали карьеру. Новый союз звал молодёжь к жертвенности и борьбе, звал в Россию.

Как они „ходили“ в Россию – разговор отдельный. Я немного расскажу вам об этом, но не по книге Столыпина (есть источники, повествующие об этих походах ярче). А задач было несколько. Первая: своими глазами посмотреть, что тут у нас делается. Вторая: попытаться создать в России ячейки своей организации. Эти задачи были главные.

Члены НТС в России иногда „забывали“ какую-то из своих книжечек в купе, на подоконнике в подъезде... И, случалось, через много лет обнаруживали здесь, в России, самовозникшую ячейку НТС. Первотолчком была та самая брошюрка, листовка, календарь-памятка.

Но бывало и по-другому. В печать, в радиоизвестия проникала вдруг информация, что здесь, в России, арестовано столько-то членов НТС, ужасных диверсантов. А в организации знали, что никто не пропадал. Информация сообщала, что у арестованных членов НТС были изъяты такие-то документы организации. А организация знала, что подобных документов не существует в природе. Это СССР боролся с „врагами народа“...

НТС с самого начала знал, что НКВД и гестапо сотрудничают. НТС попал меж двух огней. За членами организации охотились те и другие. Война была страшным испытанием для солидаристов.

Они хотели создать на родной земле третью силу, независимую от Сталина и от Гитлера. Работа была подпольная – в двойном окружении: с одной стороны гестаповцы, с другой оставшиеся по заданию на занятых немцем территориях работники НКВД. Ставка лишь на само население. Откликнется ли оно?.. „Действительность, – пишет Столыпин, – превзошла все ожидания“.

Проникшие в Россию члены НТС „растворились“ в местном населе-

нии. Кое-кто из них так „исчез“, что даже теперь, в книге, которая вышла в 1986 году, Столыпин считает невозможным назвать имена.

Около семидесяти миллионов советских людей оказались вне досягаемости сталинского режима. Как мало, как ничтожно мало до сих пор мы знаем о той жизни, о жизни в оккупации... Самоуправление... Самороспуск колхозов... Независимые печатные издания... Были ли хоть какие-то основания надеяться, что народ сметёт сталинский режим? Проблески надежды были. Но – проказа и чума. Гитлер и Сталин. Им обоим были ненавистна независимая Россия. Партизанские отряды – они разные по настроению... „Лишь зверская политика нацистов заставляет их таиться в лесах“, – пишет Столыпин. Во многих отрядах зарождаются организации, по идеологии родственные НТС, некоторые отряды непосредственно вливаются в НТС...

Чудо – среди членов НТС нет доносчиков. В пятидесяти километрах от Берлина, в деревеньке Вустрау работает школа НТС. Вместо восхваления третьего рейха – познание России, вместо национал-социалистской доктрины – идеология солидаризма. В камуфляжных безобидных обложках – материалы НТС. И братство между преподавателями и курсантами... Именно в Вустрау формируются новые борцы за свободу России. Когда-нибудь у читателей „Книжного обозрения“ ещё будет, например, возможность ближе познакомиться с одним из них – генерал-майором Советской Армии Фёдором Ивановичем Трухиным. В начале войны он был начштаба Балтийского военного округа, раненым попал в плен. Вошёл в НТС, стал членом Совета. За свободу России боролся до последнего дня своей жизни.

Нам ещё предстоит узнать, что невиданные успехи немецкой армии в первые месяцы войны были связаны и с тем, что почти вся кадровая Западная армия поверила немецкой пропаганде... Нам предстоит узнать, как убегало от немцев высокое начальство НКВД, оставляя на местах свою мелкую агентуру, как эти людишки охотно и бесстрашно шли на сотрудничество с немцами, как занимали места в комендатурах и становились сельскими старостами и охотнее всего шли в полицию, в гестапо. Нам предстоит осознать, какова роль этих людей. „Начавший осмысливать себя идейно русский антибольшевизм получал от этих людей жестокие удары в спину. Никогда никем не будет подсчитано, сколько десятков тысяч человек сталинское НКВД прикончило руками гитлеровского гестапо... Члены нашей организации являлись в этом отношении самой уязвимой мишенью“. Это отрывок из книги А. Казанцева „Третья сила“.

Генерал Власов, власовская армия, НТС... История, которую нельзя рассказать в нескольких абзацах, даже на нескольких страницах. Но и не

знать её – я ясно поняла теперь это – не знать её русскому человеку тоже абсолютно нельзя, невозможно. Дураком помирать уж очень стыдно, охмурённым людьми, подобными профессору Яковлеву, оболваненным. Собственную недавнюю историю от каких же бесстыжих лжецов мы её узнавали... 1

„Книжное обозрение“, № 28, 10 июля 1992 г.

3. Русская независимая сила

Гестапо утверждало, что в районе Киева по подстрекательству НТС действовало свыше десяти тысяч партизан. Повальные аресты солидаристов... За ними охотятся и люди Гитлера, и люди Сталина.

...А наплыв в воинские части РОА был так велик, что резервуар казался неисчерпаемым. В ноябре (1944 г.) – триста тысяч, а в декабре уже миллион, и всё поступали и поступали заявки, телеграммы, письма. А потом – освобождение Праги. И не за горами выдача энкаведистам 37 боевых генералов, 2.200 офицеров и 30.000 казаков. И члены НТС, состоявшие в воинских частях, в большинстве выданы и погибли...

О роли КПСС в Великой Отечественной войне написаны тома.

О роли НТС – России, можно сказать, неизвестно. И когда я читаю у Столыпина несколько глав на эту тему, я думаю: Боже мой, моя бедная Родина, как всегда молода, неопытна, необразованна, её сознание опять должно поглотить огромный объём новой информации, она опять должна узнать о себе то, что другие о ней давно знают. Что за судьба...

Имена 18 военнослужащих, расстрелянных в Магдебурге за то, что отказались стрелять в немецких рабочих. Это было в 1953 году. Через год в Западной Берлине им открыт памятник. А мы о них и не слышали. 120 делегатов от бастующих рабочих, расстрелянные на Воркуте 1 августа 1953 года. И сказок о них не рассказано, и песен о них не спето.

Столыпин рассказывает, как по решению на самом „высшем уровне“, принятому в Москве, убивали и подрывали НТС. Хватали, похищали, подсылали наёмных убийц, внедряли своих агентов. „Как сказано в Писании, – пишет Столыпин, – враг человеческий пришёл ночью и посеял плевелы“.

Что было в 1956 году в Венгрии? Сегодня нам известно, что там было антикоммунистическое восстание, которое „мы“ задавили. Наш позор – один из бесчисленных наших позоров. Книга Столыпина расскажет нам ещё кое о чём – и мы с вами будем не только стыдиться.

Четыре советских дивизии отказываются принимать участие в подавлении восстания. Солдаты 17-й дивизии, расквартированной близ Шомбателя, вывешивают плакаты: „Мы стрелять не будем, не стреляй–

те в нас“. Части под Дьером подняли белые флаги – как символ дружбы и нейтралитета. „Благодаря нейтралитету значительной части наших войск, – пишет Столыпин, – венгерский народ имеет дело... с одним противником – с чинами АВО (венгерский КГБ)“. Революционный комитет публикует заявление, в котором благодарит советских воинов за то, что не выступают против венгерского народа. Наши солдаты братаются с венграми перед самым парламентом в Будапеште, в других городах. Три танка повернули орудия и стреляли в АВО. Русский офицер пристрелил агента АВО, убившего девочку. Советский танк открыл огонь по группе АВО, расстреливавшей жителей одного дома...

В конце концов революция в Венгрии была раздавлена. Но надо же знать не только свой позор. Свою честь тоже надо бы знать.

Мне очень жаль расставаться с книгой Столыпина, потому что многие страницы из неё хочется пересказать. Но это невозможно. Потому я ограничусь лишь одной цитатой. В „Приложениях“ к главе о событиях в Венгрии Столыпин приводит выводы, которые сделало руководство НТС после венгерских событий. Если бы наша КПСС не только боялась, но и думала бы над тем, что пишет НТС, как знать, может быть, сегодня в СССР была бы и такая симпатичная партия парламентского типа (КПСС) и никому в голову не приходило бы над нею учинять судебный процесс, подобный нюрнбергскому. (Шутка.) Выводы НТС прочтите: „Революция в Венгрии обнаружила полную несостоятельность коммунистической партии, распавшейся в первые революционные дни. *Таково первое предупреждение истории руководству КПСС.* Умеренные требования реформистских кругов венгерской партийной интеллигенции при наличии революционной ситуации в Венгрии стимулировали стихийный взрыв. Основную роль в нём сыграли рабочие и молодёжь, т. е. те слои населения, которые, согласно марксизму–ленинизму, должны быть опорой режима и его сменой. *Таково второе предупреждение истории руководству КПСС.* Венгерская революция проходила не под знаком возвращения к старому помещичье–капиталистическому порядку, а за установление нового строя. Народ боролся за установление правового строя народовластия, социальной справедливости, свободы и независимости, т. е. во имя всего того, что народу обещал, но чего ему не дал коммунистический режим. *Таково третье предупреждение истории руководству КПСС.*“

„Презренная шайка шпионов и провокаторов“, „осиное гнездо“, „гады“... Если бы у нас была возможность свободно прочесть 130 пунктов программы борьбы НТС, выработанных ещё в 1957 году на „Конгрессе за права и свободу в России“ в Гааге! „Свобода выдвижения при всех выборах не менее двух человек на одно место... Свобода слова, печати,

обеспеченная правом на открытие кооперативных и частных типографий, издательств... Право всех граждан на свободный выезд за границу... Отмена указа, дискриминирующего матерей, не зарегистрированных в браке, и внебрачных детей... Право на существование в искусстве, науке и литературе различных школ, направлений, течений... Ликвидация системы тотального планирования... Освобождение личной и общественной торговли и промышленной инициативы...“

Нет, про эту партию нам в самом деле ничего нельзя было знать. Иначе она могла нам понравиться больше, чем ум, честь и совесть нашей эпохи...

В заметках о книге Столыпина мне не удалось рассказать ни о героях организации, ни о „молекулярной теории“, ни о том, как засылались в Россию листовки, ни – главное – о самой идее, о философии солидаризма. Повторяю: книга Столыпина – краткий курс. Солидаризм „по Столыпину“ – „сочетание свободы и демократического саморегулирования общественной жизни в опоре на общенародную солидарность“. Основа деятельности НТС „по Столыпину“, „российский патриотизм – желание служить родной стране, родному народу, родной культуре, готовность бороться за них“.

А подробности, детализацию мы почерпнём из других книг.

„Книжное обозрение“, № 29, 17 июля 1992 г.

4. „Зелёные романы“

Цвет свежей зелени – цвет НТС. Под зелёной обложкой – конспекты, написанные разными авторами, входившими в Центральную комиссию организации внутренней работы НТС. Нечто вроде учебника. По этим текстам молодые солидаристы сдавали зачёты. Вместо отдыха и развлечений... Они-то и прозвали учебные тексты не без юмора „романами“. А „зелёные“ – по цвету обложки.

Три взгляда на будущее России господствовали в эмиграции: мечта о реставрации предреволюционного прошлого, непредрешенчество („освободившийся народ сам всё решит“) и эволюционизм (надежды на „познание“ большевиков). Солидаристы видели альтернативу всем трём вариантам. В книге, где под одну обложку собраны зелёные романы, в книге, называющейся „Ранние идейные поиски Российских Солидаристов“ (она только что вышла в Москве, в издательстве „Посев“), можно почерпнуть представление об этой альтернативе.

„Памяти Олега Сергеевича Полякова (1922–1989), который за изложенные здесь мысли отбыл 12 лет в сталинских лагерях и перед

смертью просил передать эти мысли новому поколению России". Таково посвящение.

В текстах такая прелестная живопись, настолько лишены они скуки, назидательности, учительской самоуверенности, что я не сомневаюсь: с ними не соскучится ни молодой, ни не слишком молодой. Всё-таки романы...

Что произошло с Россией? Первая схема: Российская империя была монолитом, в котором царилась свобода, справедливость и благоденствие... Империя воплощала высшую волю и высшую правду, отражавшиеся в блеске царскосельских парадов, в святых подвижниках русской земли, в мирном пахаре, в мужике-богоносце. Революция же – случайно удавшийся бунт, заговор „тёмных сил“ и крамольных предателей. Отсюда ощущение настоящего как временного пребывания на чужбине, пока не сгинет ненастье, после которого „возвратится ветер на круги своя“. Отсюда мечта о грядущей железной руке уже своего правительства и о „жандармском аксельбанте“.

Схема вторая: довоенная Россия – страна произвола и насилия, страна „власти тьмы“. Революция была неизбежна. Она сорвала с народа оковы, даровала всем свободу. Но проклятое наследие царизма – темнота и косность – повлекли за собой то, что народ опьянел от свободы. Ею воспользовались циничные большевики, которые захватили власть и задушили свободу. В самой идее коммунизма много верного и справедливого. Плохи и аморальны только методы и приёмы большевиков. Отсюда вера в эволюцию комвласти, отрицание необходимости борьбы с нею.

Какие понятные – и какие знакомые схемы... Но вот третья. Думать ли нам, что излагавшие третью точку зрения молодые солидаристы получали свой зачёт тогда, в тридцатые годы? Или кроме этого, чисто исторического интереса, который, конечно, самоценен, расслышим в незатёртых, неистрёпанных словах истину? Может быть, хоть приблизимся к ней?

„Мы не можем и не смеем принять ни одной из этих схем... Русская революция не есть ни „случайный бунт“, ни „историческая неизбежность“, – она величайшая катастрофа, которой могло и не быть. Ответственность за неё несут все, без исключения, сейчас живущие русские... Россия была загублена диким разгулом нашего родного озорства, искалечена антинациональным, сухоумным и нежизненным теоретизмом, предана внутренней никчемностью и дряблостью ведущих слоёв нашего народа... Ещё до недавнего времени вся социальная структура нашего государства носила суровый служилый характер... Не прошло ещё двухсот лет от времени освобождения дворянства, нет и ста лет от раскрепо-

щения крестьянства... Что так обессилило нас, сейчас живущих русских?.. Очевидно... первоисточником является наше мировоззрение...“

Как исцелить самого себя? Как из самого себя создать силу? Вот на какой вопрос пытаются ответить молодым солидаристам их наставники. Ибо они убеждены: возрождение России нужно начинать с возрождения себя самого как личности. Политическая борьба – не самоцель. Она лишь средство на пути к выявлению и осуществлению служения высшим духовным ценностям в освобождённой и воссозданной России... Вопросы духа – основные вопросы солидаристов. Духовная сущность – краеугольный камень их движения.

Никто не вправе, учат „романы“, отговариваться тем, что, дескать, „всё образуется само собой“, что есть какое-то „колесо истории“. Великими историческими событиями движут великие идеи, и в истории человечества сохраняются примеры подвигов и творческих дел. А совершать подвиги и творить дано только личности в полном смысле этого слова.

Бытие определяет сознание? Ой, а так ли? В жизни нации всегда есть две возможности. Если нация не способна совершенствовать свою жизнь, наступает застой и вырождение. Если же нация способна творчески реагировать на условия жизни, она способна и к дальнейшему физическому росту. То же относится и к личностям. Для слабых – для слабых, в самом деле, бытие определяет сознание. Но к сильным, волевым и стойким применимо выражение Пушкина: „Так тяжкий млат, дробя стекло, куёт булат“.

Великолепны исторические экскурсии и рассуждения о прогрессе – для людей, получивших убогое советское гуманитарное образование, они зазвучат откровением. Вообще, листая зелёные романы, я не переставала восхищаться свободой мысли, не опутанной догмами, не скованной необходимостью без конца сверяться с „единственно верным учением“, не преклоняющейся перед его „всесильностью“. У нас таких учителей не было. Не бывало.

Вспоминаю факультет журналистики МГУ – один из немногих гуманитарных факультетов в стране, университетский курс! Соприкосновение с „другой“, не „единственно верной“, не „всесильной философией“: „История философии“ в течение единственного семестра. Сотни имён и дат, толстенная, скучнейшая книга. По абзацу на философа, причём, половина абзаца – ошибки и слабости этого философа против марксизма-ленинизма. Все. Если солидаристы задавались вопросом, почему „мы, русские, так ослабели“ к 1917 году, то нам спрашивать себя или пространство, почему ослабели мы, полагаю, не приходится. Семьдесят лет изоляции от мысли, семьдесят лет вдалбливания во всякую голову одних

и тех же догм... Какой народ, какая нация не ослабела бы после этого!

Национализм, патриотизм, свобода, россиянин и русский, социальность, либерализм... Слова, порхающие в сегодняшнем воздухе, для многих не насыщены никаким смыслом. Неназойливые, мягкие раздумья тех, кто взял на себя роль наставников в союзе солидаристов, могут быть интересны сегодня очень и очень многим.

„Наша цель – Великая Свободная Россия“ – написано в „зелёных романах“. А наша? Разве у нас другая цель? И разве нам не надо слушать людей, которые не отягощены, например, принадлежностью к правящей партии, как отягощены многие из тех, кто сегодня, взял на себя духовное руководство обществом? Разве для нас не важно, что думают о проблемах и бедах нашей Родины люди, посвятившие целые жизни борьбе за её свободу?

Сборник под зелёной обложкой в самом деле похож на очень хороший учебник по истории России, по философии, этике, психологии. Он, этот учебник, не угодит ни западникам, ни славянофилам, ни евразийцам. Но и не обидит ни тех, ни других, ни третьих. В этой книге оспаривают идеи, а не развенчивают их носителей. И главное, этой книге есть что противопоставить и тем, и другим, и третьим. Взгляды солидаристов вбирают в себя славянофильство, западничество и евразийство, отсекая в этих системах чрезмерное, выходящее за пределы здравого смысла. Почтительно и с любовью относясь к родной истории, солидаристы, однако не сбываясь ведут счёт всему горькому, постыдному, страшному в этой истории. Мечтая, они не теряют почву под ногами, но твёрдо стоя на земле, они смотрят не только под ноги, а далеко вперёд, высоко вдале.

Очень легко представить себе молодых россиян, волею горькой судьбы оказавшихся далеко от России, трудящихся и учащихся, влюбляющихся, весёлых или грустных – да всяких! – листающих эту книжку в зелёной обложке, ищущих в ней ответы, с нею познающих Россию, с её помощью постигающих, что делать, как жить. А чего, напротив того, не делать. И – как не жить...

Но с не меньшей лёгкостью представляю себе и своих современников – молодых россиян, живущих на родной земле, озабоченных судьбой России, – с той же книжкой в руках. Отлично, что „Посев“ теперь издаёт в Москве свою литературу. Жаль только, не купишь „зелёные романы“ в переходе, на лотке, в киоске. Надо бы, ох, как надо. Не только для того, чтоб узнавать, просвещаться, умнеть. Не только. Для того ещё, чтобы человек ставил себя самого как бы в контекст истории. Чтобы он не ощущал себя первым человеком на земле, с одной стороны, очень умным, с другой – ужасно одиноким. Чтобы он знал, чтобы чувствовал

человек: вот до него, но сравнительно недавно, жили–были люди, тоже здешние, тоже русские. Они думали о том же. Искали и находили ответы. Ты не первый, ты не единственный, ты не одинок. Эти люди есть, этот Союз существует и действует, эти книжки только начали выходить в Москве, а выйдет их ещё много. И можно будет их читать и читать. И к этим людям можно прийти, им можно написать, на их журнал можно подписаться.

Те, кто создал „зелёные романы“, те, кто сдавал зачёты по этим трогательным учебникам, сберегли свой Союз в тридцатые и сороковые–роковые, пронесли его через годы нашей робкой оттепели и холод застоя, они не дали своему Союзу погибнуть, несмотря на страшные гонения, преследования, провокации, убийства, тюрьмы, лагеря, ссылки. Это наши сограждане – значит, русские ещё могут быть солидарны, последовательны, стойки. Значит, ещё бывают такие русские, которых ничем не собьешь с пути борьбы за свободу своей Родины. Просвещённые, несуетные, не стремящиеся к собственной карьере, к богатству, не ищущие любви у властей. Значит – бывают.

Так ведь это значит, что ещё можно жить. Ещё вполне можно жить, братцы. И мы в следующую пятницу ещё почитаем с вами про этих людей из НТС. История их борьбы – наша с вами история. И больше никто у нас её не отнимет.

„Книжное обозрение“, № 30, 24 июля 1992 г.

5. Входите тесными вратами

Познакомлю вас с одним из важнейших документов НТС из самых последних по времени. Знаете ли, что 3 июля нынешнего года председатель Народно–Трудового Союза российских солидаристов Евгений Романович Романов направил ходатайство в Конституционный суд? Скорее всего, не знаете... Конечно, газет у нас сейчас очень много, в том числе и демократических. И, может быть, в какой–то из них и был опубликован этот текст. Мне не попадался.

Так несколько лет назад для предвыборной программы Андрея Дмитриевича Сахарова нашлось место лишь в одной газете – в „Книжном обозрении“. Хотя и тогда уже существовало некоторое количество демократических газет. Может быть, кто–нибудь помнит?

Я не знаю, как это получается? Почему демократическим изданиям кажется, что они могут в одном случае не публиковать программу Сахарова, а в другом – не публиковать текст ходатайства НТС в Конституционный суд и при этом числить себя по–прежнему демократическими изданиями. Впрочем, мало ли чего я не знаю...

Словом, если и вам, как мне, ходатайство НТС в Конституционный суд до сих пор не попало в печати, познакомьтесь с ним здесь и сейчас.

В преамбуле зафиксировано, что в производстве Конституционного суда объединены два ходатайства – о конституционности запретных президентских указов и о конституционности КПСС. Союз солидаристов просит в том же производстве и в том же заседании рассмотреть третье ходатайство.

Далее изложена суть самого этого третьего ходатайства. КПСС, обозначив НТС своим врагом номер один, бросила против своего врага мощные аппараты репрессий и пропаганды. „Многие члены нашего Союза были репрессированы, загнаны в лагеря и уничтожены. КПСС–КГБ провели против нас целую серию покушений, взрывов, убийств, похищений, отравлений и провокаций... Террористические действия против членов нашей организации всегда сопровождалась пропагандистской шумихой в советских средствах массовой информации... Материалы... хранятся в нашем архиве. Вот лишь некоторые из них: операция капитана госбезопасности Н.Хохлова с целью убийства Г. Околовича; похищение советскими агентами В.Треммеля; похищение Г.Хрулёва, оказавшегося затем в ГУЛАГе; операция по попытке убийства В. Поремского; похищение и тайная доставка на Лубянку А.Трушновича; взрыв жилого дома членов НТС под Франкфуртом; взрыв во дворе здания издательства „Посев“ и так далее... Террористическая деятельность КПСС и КГБ, проводимая на протяжении 1940–1991 гг. против НТС, его руководителей и рядовых членов, должна быть признана Конституционным судом Российской Федерации антиконституционной и преступной. Не только КПСС, но и КГБ, в каком бы обличье он сегодня ни скрывался, должен быть признан преступной организацией, его злодеяния против народа и политических противников, в том числе и против НТС, на протяжении прошедших 75 лет должны быть расследованы и преданы гласности“.

А у тех людей, которые читали здесь, в московских канцеляриях, этот текст, видимо, волосы на голове дыбом вставали: НТС!.. А у конституционных судей, видимо, волосы тоже дыбом будут вставать: НТС!.. И потому свою работу по написанию серии этих заметок – об НТС – я понимаю как важнейшую в своей жизни работу. А свою любимую газету „Книжное обозрение“, эти заметки печатающую, понимаю как газету, которая дорожит российской историей, отличает свободу от несвободы и стоит со стороны свободы и, в отличие от многих других изданий, верит, что, в самом деле, „не в сила Бог, а в правде“.

Да, свидетельские показания, да, мнения экспертов – всё это должно

быть представлено суду. Но в умах, в сердцах, в головах, перед глазами граждан России должны быть публикации, статьи, воспоминания, книги. И сами люди – члены НТС – должны появляться на телеэкране, в эфире, чтобы все видели, слышали их. И понимали, что они – как мы. Не так... Что они – это мы. Опять не так... Что они – это мы, только лучше. Ну, теперь так? Нет, ещё немножко не совсем так... Что они – это мы, только такие, какими хотели бы быть. Так, пожалуй.

В издательстве „Терра“ только что вышла книга „П.В.Жадан. Русская судьба. Записки члена НТС о Гражданской и Второй мировой войне“. Может быть, её (это воспоминания русского крестьянина) надо было бы дать почитать тем людям в московских канцеляриях, которые думали, в какую папочку подшить ходатайство НТС перед Конституционным судом, на какой стол потом возложить папочку с ходатайством. А может быть, им нужно было бы подбросить, например, первый номер журнала „Посев“ за прошлый год. Забыть его там, в канцелярии, на каком-нибудь подоконнике. Может, кто и прочёл бы...

Там блестящая публикация Б.Пушкарёва „Как наше прошлое формировало наши идеи“. Национальная идея, идея гражданской свободы, идея преемственности...

Узнали бы от Б.Пушкарёва, что ещё в тридцатые годы Союз понимал нацию как духовное родство свободных граждан. Что уже тогда Устав Союза предусматривал особые формы присяги для магометан, и для буддистов. Что и татары, и калмыки, и армяне чувствовали себя в Союзе россиянами, не отрекаясь от собственных корней. Прочли бы, что идея свободы с первого дня была путеводной в Союзе. Узнали бы, что такое „отрицание фактопоклонства“. Подивились бы слову и восхитились бы блеском русского красноречия – отличительная черта пушкарёвских текстов: „Да, факты надо точно знать, чтобы о них не разбиться. Но перед ними нельзя преклоняться, на них не смеет замыкаться мысль. Мысль должна быть устремлена вперёд, к должному, а не к сущему. Поэтому в изучении нашей новейшей истории не менее важна активная сторона: дорисовывать контуры того, что могло быть, но было оборвано. Какими должны были стать земство, суд, Церковь, аграрные отношения. Эти контуры дадут нам, в первом приближении, оболочку будущей, возможной России, если она будет построена „в твёрдом согласовании с исторической преемственностью“. Вот задача для наших будущих НИИ и „мозговых трестов“.

У Б.Пушкарёва прочли бы, что „наша любимая евангельская цитата“ – „вера без дел мертва“. И, вполне вероятно, полюбили бы эти слова из послания апостола Иакова.

В годы, когда Союз только родился, в тридцатые, у него ещё не было

стратегической концепции. Было только то, что Б.Пушкарёв назвал „инстинктом“: стремление идти в Россию, нести свои идеи. Была воля к служению, к жертве. Именно память о жертвах от тех лет и осталась. У них осталась – у наших соотечественников, отгороженных от нас неприступными границами и непреодолимыми завалами вранья. Их память должна ещё, наконец, стать и нашей. О тех шести из Прибалтики, что пошли в 1932–м и погибли. Тех трёх из Маньчжурии, что в 1935–м были расстреляны в Иркутске. Тех двоих, которые погибли на румынской границе в 1933–м. Тех восьми, что сами основали в 1938–м группу в Москве и были захвачены. Тех девяти, что погибли частью на границе, частью – позже.

Много раз членам НТС задавали вопрос: а были ли эти жертвы оправданны. В виде ответа Б.Пушкарёв приводит слова Г.Федотова, сказанные по другому поводу: „Не является ли последний творческий акт человека – в святости, в подвиге, в жертве – совершенно бескорыстным и не имеющим смысла вне себя и ниже себя? Оправдание нации – в осуществлённых ею в истории ценностях, и среди них героизм, святость, подвижничество имеют по крайней мере такое же онтологическое значение, как создание художественных памятников и научных систем...“

Нам ли не знать, не понимать, что это значит „невозможность борьбы“. Кажется, те, кто сегодня в России называется взрослым человеком, печёнками понимают всю безнадёжную суть этого холодного словосочетания. В.Д.Поремскому принадлежит заслуга создания молекулярной теории. Это учение о том, как построить массовую, неуловимую революционную организацию, которая в тоталитарной разобщённости даст людям чувство плеча, разрушит миф о всемогуществе власти и создаст предпосылки для всенародного восстания. Семь лет – с 1950–го по 1956–й – НТС действовал в соответствии с молекулярной теорией. Ужас КГБ – шаровые акции! С их помощью в страну заброшено 97 миллионов листовок и почти девять миллионов газет и брошюр. Были подготовлены и посланы в Россию для отстройки „каркаса“ молекулярной организации одиннадцать членов Союза.

„Памятно это время расстрелом четырёх из них, – пишет Б.Пушкарёв, – Горбунова, Лахно, Макова и Ремиги, похищением Александра Рудольфовича Трушновича из Западного Берлина, попытками убийства Околовича и Поремского и ещё примерно пятнадцатью актами чекистского террора против зарубежной базы НТС“.

...Многим не терпелось „уйти по зелёной дорожке“. Это означало отправиться нелегально в Россию. Для того ведь себя и готовили. Ярослав Трушнович, сын Александра Рудольфовича (я пользуюсь сейчас его пу–

бликацией „В Россию – через советскую границу“, одной из многих публикаций, посвящённых автором 60-летию Союза), пишет, что в начале своей деятельности НТС теоретически не исключал террор. Хотя ни единого террористического акта организация никогда не совершила. Но всё же: если бы представилась возможность, Сталина, например, следовало убрать. „Интересно было бы услышать мнение сегодняшних членов КПСС – прав ли был НТС в тридцатые годы, считая, что надо убрать Сталина?“ Так спрашивает в своей статье Трушинович, и надо признать, что мир не часто слышивал более ехидные вопросы.

Итак, они мечтали уйти „по зелёной дорожке“. „Бабкин, Спица и Чупрунов шли вместе. Гурский – в одиночку. Колков и я – вдвоём. Из них Бабкин, Спица и Гурский погибли в перестрелке, натолкнувшись на пограничников. Чупрунову чудом удалось вернуться, он сутки пролежал в болоте, в воде, у него потом кожа кусками отходила. Нам с Колковым удалось пройти, и мы пробыли в Советском Союзе август, сентябрь, октябрь и декабрь 1938 года... На польской пограничной стороне окопы, такие, как на войне. Возле них столбики, намотана колючая проволока. Советская сторона начиналась с высокого, метра два с половиной, забора: деревянные столбы, а между ними натянута колючая проволока. Между проволоками, как раз на таком уровне, где удобно пролезать, проходит почти незаметный тоненький провод. Мы знали: заденешь его, и где-то раздастся сигнал. Так что мы пролезали лонже, один оттягивал проволоку, другой пролезал. Метров через пятьдесят – сто – вспаханная и заборонованная полоса. Тот, кто её проходит, оставляет следы... Потом пространство, метров, может быть, пятьдесят – сто, и вы натываетесь на вал из сухого хвороста, высотой в человеческий рост... Хворост уложен тонкими концами к вам. В ночной тишине вы производите невероятный шум... После этого вы проходите километров пять или шесть. Человек, не прошедший подготовку, мог бы подумать, что все препятствия кончились. Но, начинается вторая полоса пограничных преград... Столбики в три ряда, а между ними всё переплетено колючей проволокой. Если пробираться сквозь проволоку, потратишь целый час. Так мы перешли это препятствие, шагая со столбика на столбик! Приграничная полоса около ста километров. В первой её части, шириной в тридцать километров, жители выселены. В стокилометровой полосе окна домов с вечера должны быть наглухо закрыты. Так что никакого света вы не видите“.

Для чего преодолевал все препятствия человек, рассказавший всё это, – Околович? Чтобы своими глазами увидеть и понять, что происходит в России. Ведь по газетам понять нельзя. А от иностранцев... Что они в нас понимают, иностранцы? Г.Околович и А.Колков изъездили всю

Россию, встречались с людьми, которых принято называть простыми.

Прерываю эту часть своего повествования, чтобы сообщить радостную весть. В день, когда я всё это пишу, в понедельник, 27 июля 1992 года, Министерство печати и информации России зарегистрировало издательство „Посев“. Ни фанфар, ни ликования, ни оркестров – историческое событие свершилось просто и буднично. Прошу вас вернуться несколькими строчками выше и ещё раз пробежать глазами по строчкам из Околовича. И осознать, что же на самом деле произошло в обыкновенный понедельник в одной из комнат Министерства печати. Вы поняли теперь? Через рвы, завалы хвороста, издающего в тишине слишком много шума, по столбикам, рискуя сорваться в паутину колючей проволоки и навсегда пропасть, через сотни километров беспросветной тьмы, теряя по пути товарищей, подыхая в лагерях, они всё-таки пришли к нам, они одолели дорогу, они – в России.

Естественно, я отступаю от заранее составленного плана, чтобы в следующий раз рассказать вам, что же это за издательство – „Посев“.

„Книжное обозрение“, № 34, 21 августа 1992 г.

6. Свободное русское издательство

Вскоре после Победы 1945 года, опустел лагерь для иностранных рабочих в Менхегофе, недалеко от Касселя, в Западной Германии. Бараки заняли русские беженцы, собравшиеся из разных мест – и из концлагерей, и из рабочих команд. Солидаристы естественно стали ядром этого трагического сообщества. Именно они возглавили борьбу против насильственной репатриации, они помогали несчастным людям обрести юридические права и вообще, в обыкновенном материальном смысле слова, выжить.

Нужны были учебные и справочные пособия. В первые же месяцы на воскресках выпустили „Букварь“, „Первую книгу после букваря“, „Упражнения по русскому языку“, „Русскую историю“, русскую хрестоматию, арифметику... Так начинался „Посев“. А уже осенью – стоит назвать и точную дату, потому что уж очень она красива: 11 ноября, день рождения Достоевского – вышел первый номер еженедельника „Посев“. Тираж его был 200 экземпляров.

Менхегофский период „Посева“ завершился меньше чем через год. Дело в том, что выступления против насильственной репатриации никак не соответствовали тогдашнему стилю отношений между державами-победительницами. НТС знал, что переправленных в Советский Союз ждут репрессии. А державы-победительницы не считали нужным ни верить в это, ни вообще думать об этом, ни жалеть людей. Для них

важнее всего было не перечить Сталину. Печально, но факт (вернее, многие тысячи печальных фактов), о котором мы не вправе забывать. Словом, по политическим соображениям „Посев“ закрыли.

Издательский коллектив „Посева“, благодаря дружеской помощи немецких коллег-журналистов, обосновался в Лимбурге, недалеко от Франкфурта-на-Майне. Начался новый этап. Журналистика, которой приходилось заниматься солидаристам, была чем-то похожа на нашу: бичевали генералиссимуса Трухильо с его порядками в Доминиканской республике, подразумевали при этом генералиссимуса Сталина с его порядками в СССР. Правда, под Франкфуртом эти игры надолго не затянулись.

Послевоенная разруха, денежная реформа 1948 года – жизнь в Западной Германии была весьма суровой. Не до литературы? Но „Посев“ публиковал М.Розанова „Завоеватели белых пятен“ (первая послевоенная книга о советских концлагерях), Г.Климова „В Берлинском Кремле“ (штаб советских оккупационных войск), А.Казанцева „Третья сила“ (первая книга о движении генерала Власова), Дж.Орвелла „Скотский хутор“. И выходил журнал „Грани“. И проходили конференции сотрудников и читателей, русских и иностранных друзей, и обсуждалось положение в России. И на пожертвования и займы купили свой линотип, печатную машину, арендовали и отремонтировали небольшой дом (во Франкфурте), разместили в нём редакционные службы и типографию, экспедицию, бухгалтерию, библиотеку, книжный склад.

В 1956 году издательство „Посев“ со страниц журнала „Грани“ обратилось к деятелям литературы, искусства и науки порабощённой России с предложением присылать труды, которые дома нельзя опубликовать из-за цензуры. Тайна авторства гарантировалась.

А в ночь на 18 июля 1961 года советская агентура бросила бомбу во двор „Посева“. Хозяин здания был страшно напуган и отказался продлить аренду.

Пришлось перебираться на окраину, в блочно-барачные постройки. Зато это была уже не аренда, а собственная земля. Не было бы счастья...

Со словом „Посев“ связано для человека, читающего по русски, многое, что занимало или занимает умы и души. И „Вологодская свадьба“ А.Яшина, и „Вокруг да около“ Ф.Абрамова, и „По обе стороны океана“ В.Некрасова, и „Тёркин на том свете“ А. Твардовского, и „Один день Ивана Денисовича“ А. Солженицына. Войнович, Шаламов, Гроссман, Коржавин, Окуджава, Бродский, В.Максимов и А.Гинзбург, А.Авторханов и И.Ратушинская – называйте любое известное имя. И прибавляйте к нему: „Посев“. Один из пишущих некогда сказал: „Все мы выш-

ли из—под посевовской шинели“.

Я уже говорила: лицензию на право существовать в России на законных основаниях „Посев“ получил в понедельник, 27 июля 1992 года. Для читающей России день этот станет историческим, памятным, праздничным. Потому что читающая Россия всегда знала, что стоит за скромным словом „Посев“. Какие имена, произведения, книги. Чуть—чуть, урывками, догадками, интуицией — знала. Пряча от всех глаз, тайком, под подушку издания „Посева“ — читала. В заветные тетрадки из посевовских изданий ночами — переписывала. Самым надёжным людям почитать на одну ночь — разрешала... Как белы и чисты были страницы посевовских книжек, как мечталось, как хотелось и как страшно было обладать ими... Дорогие мои, дорогие мои читатели русских книг, давайте задним числом пожалеем друг друга. Мы—то ведь знаем, как велика была наша читательская жажда, как мучительны были ожидания редких капель влаги, как хотелось глотнуть.

Листаю каталог посевовских книг за сорок лет. Булгаков. „Мастер и Маргарита“. Сборник „Вехи“. Г.Владимов „Верный Руслан“ (ещё в 1975 году!) Врангель „Воспоминания“. Галич „Песни“ (ещё в 1969!). Н. Горбаневская „Полдень“. Дело о демонстрации 25 августа 1968 года на Красной площади. Вас. Гроссман „Всё течёт...“ (в 1970!). А.Марченко „Мои показания“ (1969...). Орвелл „1984“ (в 1957—м — он вышел в „Посеве“, в 1957 году!). А. Солженицын „Раковый корпус“ (1968). Как мы ко всему этому рвались, помните? На папиросной бумаге шестые экземпляры — не забыли?..

В каталоге „Издательство „Посев“, 1945—1985“ солидаристы сочли необходимым поместить портреты нескольких людей вместе с их краткими биографиями. Полагая, что есть за что чтить этих людей, коротко представлю вам их.

Александр Семёнович Светов (Парфёнов). Выпускник инженерно-строительного факультета Петербургского политехнического института имени Петра Великого. Работал на стройках в Вольске, Астрахани, Ленинграде. С 1930 года — в Москве, в строительных учреждениях. Опубликовал ряд научных трудов и множество статей. С начала войны на фронте, капитан инженерной службы. В 1942—м под Харьковом взят в плен. Прошёл мучительный путь через лагеря военнопленных. С 1943 года — подпольщик НТС, позже — участник освободительного движения генерала А.А.Власова. Именно он в беженском лагере Менхегоф издавал информационный бюллетень, был одним из зачинателей „Посева“. Скрываясь от насильственной репатриации и от советских террористических органов, вынужден был уехать в Марокко, работал там землемером в русской геодезической фирме. А в 1951 году вернулся в Западную

Германию и от „Посева“ больше не отлучался до самой смерти, до 1961 года.

Андрей Васильевич Светланин (Н.Н.Лихачёв) родом на Рязанской губернии. Учился в церковно-приходской школе. После смерти родителей вынужден был бросить учебу и пойти на работу, чтобы кормить младших братьев и сестёр. В 1926 году поступил в рязанскую совпартшколу, окончил её через два года и стал кандидатом в члены партии. Правда, ещё учась в совпартшколе, принял участие в оппозиции сталинскому курсу, распространял „Платформу 83“. Всё-таки работал, прошёл воинскую службу и стал членом партии. Редактировал краснодарские газеты – и критиковал коллективизацию. Начались партвзыскания, пришлось уехать на Дальний Восток. А в 1938 году – ежовщина, исключение из партии, беспаспортная жизнь, случайные заработки. Через год – „исправление перегибов“ ежовщины, восстановление в партии, работа в московской газете. А потом война, работа в газете 2-й ударной армии. Неожиданный плен 1942 года. Угроза расстрела немцами как политкомиссара, чудесное спасение... Армия, не забудем, была власовская. А после войны он поднялся от кухонного рабочего до лектора в Кембриджском университете. Семь лет, до смерти, Светланин был главным редактором „Посева“.

Владимир Яромирович Горачек родился в городе Кемь, на Белом море. Отец его – чех, инженер-путеец, строил Мурманскую железную дорогу. После смерти отца в 1919 году мать с двумя сыновьями уехала в Прагу. Горачек активно участвовал в общественном движении русской молодёжи. В войну он был представителем НТС в Чехии. Вместе с матерью прибыл в Менхегоф, деятельно участвовал в создании и работе издательства „Посев“. Был глубоко религиозным человеком. При его участии во Франкфурте построен православный храм. Старостой этого храма он был до конца своей жизни.

Георгий Сергеевич Околович был сыном священника, родился в Риге. Ещё гимназистом вступил в Добровольческую армию, стал пулемётчиком на бронепоезде. Вынужден был уйти в эмиграцию. Это его рассказ о нелегальном переходе нашей границы вы прочли в прошлом номере. Тогда, если помните, Околович провёл в России несколько месяцев. И, несмотря на „всесоюзный розыск“, объявленный по всему аппарату НКВД, благополучно возвратился. В годы войны он был в Смоленске. В 1944 году арестован гестапо вместе с другими руководителями НТС, сидел в тюрьме... Он был „виноват“ в попытке создать „третью силу“: „Ни немцев, ни большевиков“. После войны вёл огромную работу по восстановлению разгромленных нацистами рядов НТС, спасал новых эмигрантов от насильственной репатриации, налаживал издательскую дея-

тельность. Околович умер в 1980 году. Наши доблестные „органы“ буквально охотились за ним, пытаясь убить или похитить.

Лев Александрович Рар по рождению москвич, на инженера–строителя учился в Риге. В 1944 году был вывезен немцами в Германию, в Рурскую область, для работы в военной промышленности. Но оттуда бежал в Берлин, к генералу Власову. Стал начальником административно–хозяйственного отдела Комитета освобождения народов России. Потом – Менхегоф, центр НТС. Работа в английской зоне оккупации по спасению людей от насильственной репатриации. Дикторская работа на Би–би–си, с 1954 года – „Посев“.

Портреты и биографии именно этих людей издательство „Посев“ сочло нужным поместить в своём каталоге. Думаю, что теперь, когда „Посев“ переместился в Москву, у нас будет возможность узнать и о других. Ведь необходимости издавать книжечки карманного формата и публиковать в них только самое–самое у „Посева“ больше нет. Не знаю, как вы, а я просто с наслаждением читаю их биографии. Известно, правду говорить всегда легко и приятно. Но какое же это удовольствие читать и слушать правду... И так хочется, чтобы этого удовольствия, этой радости не лишали себя люди, чтобы как можно большее количество их узнало, прочло, услышало правду об НТС. Чтобы количество узнавших правду хоть сколько–нибудь приблизилось к количеству знавших, читавших и слышавших ложь в течение многих десятилетий. Сегодня разница между количеством знающих правду и знающих ложь огромна, почти невыразима. Потому я не останавливаюсь, мой рассказ будет продолжен.

„Книжное обозрение“, № 36, 4 сентября 1992 г.

7. О мучениках и мучителях

„Близкое – всего–то двадцать лет назад... Хотя смотря для кого. У пожилых и старых время сжимается, и срок в двадцать лет не кажется бесконечным, и века „двадцать лет назад“ не кажется слишком отдалённой. Но вот совсем недавно я разговаривала с взрослым двадцатилетним человеком и сказала ему: „В 1985 году...“ „О, – среагировал он, – очень давно, я был тогда ещё ребёнком“. Расстояние в двадцать, тем более в тридцать, сорок, пятьдесят лет кажется им глубокой историей. Для них время сжимается там, в далёком прошлом: вторая мировая, первая мировая, война 1812 года – всё это было невероятно давно, всё это древности, всё музей. На экзамене по истории один (правда, очень слабый), ученик перечислял великих полководцев войны 1941–1945 годов: „Барклай де Толли, Будённый, Чапаев, Жуков“.

И, в общем, обложечка у книжки „Вольное слово“, изданной „Посевом“ в 1972 году, подвыгорела, поблекла. Как всегда, наверное, правы молодые, а вовсе не мы. 1972 год – это очень давно.

„Самиздат. Избранное. Документальная серия. Выпуск 4, Хроника текущих событий“. Книги этой серии „Посев“ выпускал шесть раз в год. Эпиграф ко всему выпуску – цитата из крамольнейшего текста – из Всеобщей декларации прав человека: „Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их...“

Дело Владимира Буковского. Обыски и аресты. В Киеве, например, арестован литературовед Иван Светличный, поэт Василий Стус, сельский учитель Фёдор Коваленко, девятнадцатилетняя машинистка Любовь Середняк (при обыске у неё изъяты романы Солженицына и Гроссмана), математик Леонид Плющ...

Сборник перечисляет политзаключенных мордовских лагерей, рассказывает о преследованиях верующих в Литве, повествует о внесудебных преследованиях. Большая подборка „Новости самиздата“, где есть, в частности, печальная статья Веркора, опубликованная в газете „Монд“. „В Праге, в Чехословакии охотятся за профессорами университетов, их морят голодом, их выселяют из квартир, а их детей лишают возможности учиться... А затем, наконец, их арестовывают... И в противовес всему этому мы можем лишь сжать наши бессильные кулаки... Ничего нельзя сделать, кроме того, что я делаю сейчас – пишу эти жалкие слова протеста... Я не осмеливаюсь даже назвать имена, так как боюсь навлечь на упомянутых новые несчастья. Ничего нельзя сделать, кроме того, чтобы ещё раз сформулировать мольбу или протест – и не получить даже ответа, даже успокоения, оправдания, а только чёрное молчание, исполненное насмешливого цинизма и презрения“.

Веркор писал это по вполне конкретному поводу. Но как же точно он сформулировал мироощущение многих тысяч людей, населяющих страны, именовавшиеся в те времена устойчивым словосочетанием „социалистический лагерь“. До чего же грустна их новейшая история...

Книга Александра Неймирока называется „Дороги и встречи“. Название слишком просто и слишком распространено, а мне кажется, было бы важно, чтобы читатели, если встретят, не пропустили эту книгу. У Александра Николаевича в жизни были весьма непростые дороги, неординарные встречи.

Он родился в Киеве. По профессии лесной инженер. Член НТС со дня основания. В 1942 году по заданию НТС направился через Германию на Украину. Но в Германии за причастность к НТС был арестован и сидел сначала в немецкой тюрьме, а потом до конца войны в концентрационных лагерях. Был освобождён американцами из Дахау и оказался в ла-

гере перемещённых лиц Менхегоф... Здесь не буду рассказывать о его дальнейшей жизни, тем более, многие знают Неймирока – отличного журналиста, а некоторые знают даже и Неймирока–поэта. Ведь он жил до 1973 года... Здесь скажу только, что „Дороги и встречи“ – о лагерных днях члена НТС Неймирока.

„Нас сковали попарно и повели через толпу, наполнявшую вокзал“.

„Нас выстраивают и две шеренги и начинается „смотр“, производимый нам „рапорт–фюрером“. Смотр несложен и немногословен.

– Почему ты, грязная свинья, прибыл сюда?

...Жил с оstarбайтершей...

...Не являлся на работу...

...Меня оклеветали, будто бы я рассказывал анекдот о нашем фюрере...

Мы, не сговариваясь, отвечаем:

– За русскую национальную работу.

Белесые брови удивлённо приподнимаются.

– Ладно. Мне всё равно. Здесь вас всех отучат от разных таких глупостей. Марш!“

Вот подходит к Неймироку знакомиться полковник генерального штаба Красной армии. Немцы взяли его в плен, он попал в РОА и там организовал заговор. Заговор был раскрыт, немцы публично повесили в Саксенхаузене четырнадцать из шестнадцати заговорщиков, а двое, в том числе и этот полковник, ждали, что их также повесят со дня на день. Первый концлагерный сотоварищ из России...“ Называя себя, – пишет Неймирок, – я пожимаю руку неизбежному смертнику и отдаю себе в этом отчёт.“

С полковником они подружились. Хотя политически стояли по разные стороны баррикад. Ведь полковник отождествлял защиту Родины с защитой режима. И убеждённость в своей правоте была для него единственным утешением. „Может быть, в глубине души он чувствовал силу наших аргументов, – пишет Неймирок. – Но мы не настаивали на них... Две недели, проведенные в одном бараке, оставили о нём память как об умном, серьёзном, честном и мужественном человеке“.

Немцы расстреляли того полковника. А эпизод краткой дружбы члена НТС с советским полковником я привела здесь, чтобы показать одну из сторон солидаризма, по–моему, весьма существенную. Двум русским людям, пусть и стоящим „по разные стороны баррикад“, надо видеть друг в друге прежде всего ум и серьёзность, честь и мужество, надо сопереживать страданиям друг друга – со спорами же, с собственной правотой и неправотой другого иногда можно и подождать... В каждом нужно в самую первую очередь искать и видеть то, что вас с ним сбли-

жает. И только во вторую, а может быть, и в третью очередь стараться добросовестно понять, в чём же вы не сходитесь. Это – солидаризм.

Очень, кажется, простой принцип человеческих отношений. Не слишком ли, кто-нибудь спросит, он прост, чтобы считаться философским, мировоззренческим. А я отвечу вам, что и вся философия солидаризма – проста. Она соразмерна человеку, доступна пониманию. С нею, в ней легко освоиться, чтобы изучить её, вовсе не нужно выворачивать мозги наизнанку. На истмат и диамат это даже отдалённо не похоже.

Тягчайший лагерный быт и запредельный лагерный труд, жесточайший лагерный страх, голод, холод и призрачный отдых члены НТС делят с лагерниками из Советской России. Они – вместе. И Александр Николаевич, размышляя об этой войне, спрашивает себя: „Что мы в этой войне“? Когда идёт жестокая битва двух жестоких систем, что в ней НТС? „Пусть за нами Правда, пусть нас тысячи, но для необъятных лесов и полей нас, всё же, горсточка. Народ, поднявшийся на дыбы во весь свой огромный рост, защищает Родину как может, пользуясь тем оружием, той организацией, тем правительством, которое у него под руками. Всё, что мы можем сейчас, – это сеять семена. Может быть, они взойдут без нас. Может быть, на нашей крови. Важно, чтобы они взошли...“

Полгода из лагерной жизни Неймирока: дизентерия, обморожение, снова дизентерия, сыпной тиф, барак, откуда мало кто вышел, но Неймирок вышел и был отправлен в Дахау, где приход американцев застал его больным воспалением лёгких. Да, в эти полгода он был кандидатом в крематорий – постоянно. Но доходягой всё же не стал. Потому что, видите ли, не каждый живой скелет непременно становится доходягой. Нужно до последнего предела держать себя в руках, нельзя рыться в помойке и подбирать с земли всякую дрянь, как бы ни мучил голод. Постоянным волевым напряжением можно не только сохранить в себе силы, но и развить их. Дух, в конечном счёте, сильнее тела. „Я видел „доходяг“, но я видел и живых скелетов – не „доходяг“. Вторые выжили. Первые – никогда“.

Вот, прочитав это, и подумаем, в самом ли деле, как нас учили, бытие определяет сознание?.. Пожалуй, всё-таки наоборот, правда? Всё-таки наоборот.

Убеждение, что дух сильнее, важнее, надёжнее тела, – это тоже солидаризм.

И, между прочим, по свидетельству Неймирока, наименьшее количество смертников в лагерях давали русские. Они же давали наибольшее количество беглецов. Начальство запретило посылать их на ночные работы. Они стали убегать днём.

Многие считали русских прирождёнными ворами. Преувеличение – считает Неймирок. Хотя... „Случай воровства среди русских были явлением далеко не редким“. Зато русский, изловчившийся стибрить что-нибудь съестное, никогда не насыщался в одиночестве, как, например, француз, получивший посылку. Стиброванный съестное русский увидит на твоей одежде букву, свидетельствующую о принадлежности к России: „Ты русский? – Русский. – На, держи...“ Этому, правда, есть объяснение... Дело в том, что русские никогда, ни от кого, ни через какой Красный Крест не получали никаких посылок...

А как ликовали, уезжая из лагеря, датчане, бельгийцы, французы, голландцы! Все, все, кроме русских... Русские были озабочены и серьёзны. Почти никто не верил, что сразу же, возвратясь, перешагнёт порог родного дома. И, как мы знаем, правильно делал.

В послесловии к книге Неймирока В.Поремский пишет, что у тех, кто её прочтёт, вряд ли повернётся язык сказать, что Неймирок и его друзья были предателями Родины и сотрудниками её врагов. Так же, как нельзя этого сказать о тех, кто боролся с тоталитарным режимом в самой России. Ни те, ни другие не думали, когда их борьба принесёт победу и принесёт ли вообще. „Дело совести и чести творится не ради успеха, а во имя исполнения долга“, – пишет В.Поремский.

Книга Александра Неймирока – свидетельство неразрывной связи между подъяремной Россией и зарубежной Россией, свидетельство общего дыхания, общей судьбы. Духовная связь между соотечественниками проходит по таким высотам, которые недоступны ни КГБ, ни гестапо.

Хотя вывески над воротами двух этих ведомств вполне можно поменять местами. Едина суть. Книга Михаила Мондича „СМЕРШ“ страшное подтверждение этого единства. Жуткая жизнь была в нацистских лагерях, но всё же я и поцитировала, и немножко пересказала вам книгу Неймирока. Листаю „СМЕРШ“ и не хочу приводить цитаты, жалею вас, мои читатели, щажу ваши нервы, не хочу рвать ваши души. В этой страшной организации крестьянский сын Михаил Дмитриевич Мондич год проработал переводчиком. Он присутствовал и на допросах, которые вели чекисты и чекистки, он видел „методы“ их работы.

„Я глубоко верю, – пишет Мондич, – что со временем человечество осудит сталинское умение владеть людьми, зжидущееся на насилии, недоверии, страхе и миллионах убийств, осудит с ещё большим возмущением, чем когда-то осудило инквизицию“.

День Победы – и собрание в СМЕРШе. Невесёлое, чуть безразличное лицо командира: победа нас не касается, пусть празднуют другие, у нас слишком много врагов, пока жив хоть один, у нас не кончится работа.

Кругом враги. Кругом шпионы. Смерть им, смерть, смерть! Переводчику кажется, что эти люди действуют под лозунгом „Смерть всему роду человеческому“. Переводчик с тоской смотрит на ликующих чехов: вы приветствуете освободителей, но вы не знаете, что с колоннами бойцов идём и мы, смершевцы, что сегодня же в ночь...

Скоро, скоро смолкают приветственные клики. Что это за страны? Польша, Венгрия, Чехословакия? Так себе странишки. „Смершевцы говорят о государствах, как об Иване Ивановиче: захочу – в морду дам, захочу – помилую“...

После выхода его книги Мондич был помещён в розыскные списки КГБ. Совершенно ясно, что его ждала – смерть.

„Книжное обозрение“, № 38, 18 сентября 1992 г.

8. Ещё о мучениках и мучителях

Такая страна: если начнёшь говорить о мучениках и мучителях – остановиться трудно... Среди книг, изданных „Посевом“, есть одна, может быть, и не самая знаменитая, уж очень точно отвечающая именно этой теме: Г.Озеров. „Туполевская шарага“.

(В последнее время аббревиатуры преследуют меня. Этот продукт новояза в новейшие свободные дни не демонстрирует ни малейшей тенденции к исчезновению, наоборот, плодится. Аббревиатуры уродуют наш язык, как ничто иное. Ими надо бы заняться всерьёз, причём не откладывая. Здесь я пишу об этом в скобках перед необходимостью огласить одну из омерзительнейших аббревиатур. Использую скобки, чтобы повиниться перед родным языком и обратить внимание своих читателей на это языковое бедствие.)

Книга профессора Г.Озерова распространялась в самиздате. Она о системе ОКБ ЭКУ ГПУ–НКВД. Перевод на русский (на русский!..): особые конструкторские бюро Экономического управления Главного политического управления Народного комиссариата внутренних дел. Вся система состояла в том, что учёных арестовывали, сажали за решётку и там заставляли работать.

Автор протрубил в шараге четыре года.

Книжечка его невелика, строго документальна, техническая интеллигенция прочтёт её с наслаждением. Замечено (наверное, не мною одной), что человек техники, когда пишет книгу или статью не о своём предмете, а о „жизни“, почти непременно предпосылает ей эпитафию. Подчеркивая уважение к классической русской традиции? Возможно... У Озерова целых три эпитафия, и все три так изящны, что я не сочла нужным преодолевать искушение привести их. В конце концов резуль-

татом любого чтения, кроме иных результатов, может быть и пополнение читающим собственной коллекции любимых мыслей. Вот озеровские эпитафии:

„Число дураков неисчислимо“. Галилей.

„Если какая-нибудь неприятность может случиться – она случится“. Дональд Мичи.

„Всё, что может испортиться – портится“. Фрэнсис Чиэлхом.

...Сидел себе автор в одной из московских тюрем и не ждал ничего хорошего. Но однажды его погрузили с вещами в воронок и, не говоря ни слова, привезли в тюрьму не простую, а специальную. Там он с изумлением увидел своих знакомых: Туполева, Петлякова, Мясищева, Немана, Королёва, Путилова, Чижевского, Черемухина, Макарова, Вазенкова – весь цвет русской национальной авиационной мысли. Озеров назвал здесь, в первый момент встречи, несколько самых известных фамилий. На самом деле „цвета“ было очень-очень много. „Сотни дружеских глаз смотрят в нашу сторону... А меня оторопь берёт – значит, это правда, значит, все они – арестованы, но ведь это – катастрофа!“

Это была правда. „Все они“ были арестованы. В спецтюрьму цвет авиационной мысли свозили из разных тюрем, лагерей, пересылок, с этапов. „Из грязи, бесправия, окриков охраны, матерщины, гнуса и холода в тундре, жары и тарантулов в пустыне, драки за порцию баланды или стоптанные опорки, – сесть за „Изис“, провести осевую линию и начать думать – это, знаете, грандиозно!“ Немного надо советскому человеку. Вот он уже мечтает, как возьмет завтра в руки логарифмическую линейку, остро отточенный карандаш, погладит рукой чистую тугую поверхность ватмана, натянутого на доске... Правда, это счастье, видимо, ненадолго. Сергей Павлович Королёв заметил, смеясь (!): „Сегодня решаешь дифференциальные уравнения, а завтра – Колыма!“

Туполев рассказывал, как арестованного, отвезли его в Болшево, где кого только не было: „корабелы, танкисты, артиллеристы, химики“. Позвали к начальству и приказали составить список известных ему арестованных специалистов. Как быть? Арестованных до него он знал. А после? Не выйдет ли так, что по его списку посадят ещё Бог знает сколько народу? „Поразмыслив, я решил переписать всех, кого я знаю, а знал-то я всех. Не может же быть, чтобы арестовали всю авиапромышленность?“ Такое решение показалось Туполеву разумным. „И что же ты думаешь? – с изумлением вопрошает он своего собеседника. – Оказалось, что за редким исключением все они за решёткой. Да, знаешь, размах!“

Когда ГУЛАГ исторг из своих страшных недр всех названных Туполевым самолётчиков (не всех, как потом выяснилось, многие сгнули), их свезли в одно место. Было принято решение, достойное эпохи „всё во имя человека, всё для блага человека“: на московских авиазаводах изготовили в два дня тысячи решёток, и восьмизэтажное здание превратилось в тюрьму.

Озеров вспоминает, с кем рядом ему довелось трудиться в туполевской шараге. Он составил список, в котором шесть академиков и членов-корреспондентов, пятнадцать главных конструкторов самолётов и агрегатов, четыре начальника КБ, одиннадцать профессоров, докторов технических наук, пятнадцать директоров, главных инженеров, главных технологов авиазаводов, четыре инженера, одиннадцать начальников конструкторских бригад, пятеро начальников цехов, двенадцать инженеров-конструкторов, а ещё физик, электрик, плановик, профсоюзный лидер. Русских – 70, евреев – 18, немцев – 3, грузин – 1, поляков – 3.

В авиапромышленности, помимо описываемой шараги, функционировало ещё две: двигательная и ракетная. „Ничего не скажешь, размах достойный. Немногие страны могли бы выдержать подобное кровопускание. Поразителен и цинизм...“

Сергея Павловича Королёва доставили с Колымы, где он обушком-добывал золотишко. Был он скептик, циник и пессимист. „Хлопнут без некролога“ – была любимая его фраза... Озеров вспоминает и Королёва, окружённого лестью, на бывшей даче Калинина в Останкине, якобы свободного. Охраняли его на даче те же попки и вертухаи. Сохранивший старых друзей Королёв, бывало, говорил: „Как всё-таки много общего между тогдашней и теперешней жизнью. Я ещё не отказался от мысли „хлопнут без некролога“. Другой раз проснёшься ночью, лежишь, и думаешь; вот сейчас дадут команду, и те же охранники нагло войдут и бросят: „А ну, падло, собирайся с вещами“...“

Озеров последовательно описывает товарищей по шараге. Умнейших, сильных людей. Всё понимающих. Слишком много понимающих. Почему они не бежали, как Кропоткин, Савинков или Камо? Даже не думали. И не только потому, что на стороне Кропоткина, Савинкова или Камо было всё прогрессивное общество и любой интеллигентный человек был готов приютить их и сбить ищеек со следа. А прежде всего потому, что карающий и гуманный меч наших доблестных чекистов прежде всего арестовывал близких до седьмого колена. В век Кропоткиных к их услугам были все партии, боровшиеся с царём. В наш век детально проработанная паспортная система и круговая порука жильцов дома, улицы, села. И бесчисленные стукачи.

Есть легенда, а может, апокриф, а может, миф. По нему выходит, что работали они в шараге – хорошо. Что надо – сконструировали. Конечно, это не так. Униженные и запуганные, разлученные с близкими, деморализованные, отлученные от нужной литературы, от научной информации, руководимые неучами (Туполевым руководил некто Кутепов, прозванный „трёхтактным“, потому что, когда конструкторы сказали, что от двухтактного двигателя надо переходить к четырёхтактному, он сказал, что это слишком резкий переход и для начала надо перейти к трёхтактному), конечно, они работали едва ли в одну десятую своих возможностей. Это настоящая трагедия. Большинство разработанных конструкций так и не было доведено до серийного производства. А те, что доводились, были совсем не так хороши, как могли быть.

Книги, изданные „Посевом“ в разные годы, помогают нам узнать нас самих. Я кратко представила лишь малую часть их. Но – обратите внимание – даже в очень кратком пересказе содержится большой объём информации о жизни России, о гражданах России. Знакомство с библиотекой „Посева“ – самопознание. Конечно, это тенденциозное издательство! Как и журнал „Посев“... Тенденция в любви к России, тенденция в борьбе за её свободу.

На родной земле – напоминаю, что „Посев“ законно прописан теперь на родной земле, – они столкнутся с бездной проблем. В том числе и финансовых... Передо мной чередой проходят лица работников „Посева“ и руководителей НТС – ушедших и ныне живущих. Нет, они не собьются с курса, не предадут свою „тенденцию“. И трудности, которые ждут их на родной земле, всё-таки пустяк в сравнении с теми, которые они пережили и преодолели за долгие годы разлуки с Россией. А потом... Ведь есть же мы – мы с вами, мы, для кого два эти слова: „Россия“ и „свобода“ – святы. Мы станем рядом. И окажется, что нас очень много. И окажется, что вместе мы очень сильны. Солидарность и свобода... „Солидарность и свобода“ – так называется книга Романа Редлиха, замечательного русского философа, о которой мы поговорим в следующий раз. Разговором об этой книге, мне кажется, уместно и логично завершить наше первое знакомство с НТС – Народно-трудовым союзом российских солидаристов. Первое (подчёркиваю) знакомство. За ним, надеюсь, последует и нечто большее.

„Книжное обозрение“, № 39, 25 сентября 1992 г.

9. Солидарность и свобода

Может быть, для знакомства с мировоззрением солидаризма лучше всего взять в руки именно эту книгу. Она называется „Солидарность и свобода“. Автор её Роман Редлих. Нет-нет, это не учебное пособие. И

не научное исследование. И не идеологический свод, официально одобренный руководством НТС. Автор ставил перед собой две задачи. Во-первых, „познакомить читателя с движением русской солидаристической мысли, как она складывалась в немарксистской русской философии“. Во-вторых, „показать хоть малую часть современной политической проблематики, как она видится нам в свете солидаризма“.

На редкость деликатный автор... Кажется, всякий напор, любая публицистическая агрессия чужды ему. Здесь, в книге, собраны только „соображения“. Они, конечно, „не полны“ и „не собраны в скольконибудь стройную систему“. Но ведь речь-то идёт о „современности и развитии“. Разве не любая попытка представить о современности и развитии полную, собранную, стройную систему соображений обречена по крайней мере на неуспех? Во всяком случае, на неполноту? Как минимум, на кособокость?..

Автор надеется, что представленные им „соображения“, даже и в форме этой книжечки, то есть и форме „предварительной и элементарной“, всё же могут помочь, понять „а может быть, и принять“ основные идеи, вокруг которых сложилось движение русских солидаристов.

Наши гуманитарные науки рухнули вместе с Советским Союзом. Что до науки „Русская философия“, то тут и рушиться было нечему. На родимой почве такой науки просто не существовало. Надо полагать, профессиональные философы сейчас выстраивают курс. Было бы досадно узнать, что они делают это самостоятельно, отдельно от своих зарубежных соотечественников. Потому что отсутствие русской философии на территории России отнюдь не означало, что русской философии нет вообще. Она была всегда, и она есть. Для знакомства с немарксистской русской философией книга Редлиха очень подходит.

Но ведь политика скорее всего безнравственна, говорите вы. Нет, не в политике зло. „Зло в дурной политике, вытекающей из ложных принципов и творимой лживыми и злыми людьми“.

Политика по Редлиху – несомненная часть человеческой культуры. Культура же – воплощение духа. Того самого духа, которым занимается философия.

„Все люди, в том числе и политики, должны, понимать, в чём они согласны, а в чём несогласны между собой. И каждый из нас, и все мы вместе нуждаемся в некотором „костяке ориентации и благочестия“ по выражению одного из известнейших психосоциологов нашего времени Эриха Фромма. Народно-Трудовой Союз в частности, и русские солидаристы в целом имеют такой костяк“.

Первая глава книги называется „Основной вопрос философии (по С.Л.Франку)“.

В компактном представлении учёного читателю сообщены лишь самые основные вехи его жизни. Руководитель кафедры философии Московского университета Семён Людвигович Франк был выслан в 1922 году, принимал участие в созданной Н.А.Бердяевым „Религиозно-философской академии“, читал лекции в Берлинском университете, затем переехал во Францию, где выпустил книгу „Непостижимое“, скончался в Лондоне в 1950 году. Книга „Реальность и человек“ вышла уже после его смерти. По мнению Редлиха, философское значение Франка ничуть не меньше, чем значение Владимира Соловьёва или Николая Бердяева. Отец Василий Зеньковский в книге „История русской философии“ утверждает, что „по силе философского зрения Франка без колебания можно назвать самым выдающимся русским философом вообще, – не только среди близких ему по идеям“.

Две работы Семёна Франка – „Я“ и „мы“ и „Духовные основы общества“ входят в золотой фонд солидаристической мысли.

„Предмет знания“, „Реальность и человек“, наконец, „Непостижимое“ – три кратких главы посвящены Франку.

„Непостижимое“ Редлих считает одним из самых глубоких творений русской философии. Это труд отнюдь не элементарный. Он ждёт читателя, который не просто „интересуется“ философией, а готов потрудиться над нею. Это проникновение в глубинные пласты бытия. Сам Франк убеждён, что подобное проникновение требует большого напряжения мысли, а потому доступно не всем. К тому же и „новые мысли, – пишет Франк, – не могут быть выражены иначе, чем в новых словах“.

Редлих помогает постичь „Непостижимое“ Франка.

Что в основе мира? Загадка, которую можно разгадать? Секрет, который можно рассекретить? Нет. Тайна, которая таинственна по самой своей природе и может постигаться только как тайна, то–есть, без нарушения её таинственности, без перевода на язык логических объяснений и построений. Франк говорит, что „непостижимое постигается через постижение его непостижимости“.

„Умудрённое непостижение“ – это отнюдь не незнание, не непонимание... Тяжело смириться с этим человеку, всю жизнь впитывавшему материализм.

„Умудрённое непостижение“... Таинственная, непостижимая глубинность первоосновы бытия... Неизречённая сущность... Исконная первотайна реальности... Наверное, где-то здесь, в этих пределах, вернее, в этой беспредельности и затаилась та самая духовность, о которой многие полюбили сейчас говорить. Залетевшее к нам не из нашей жизни слово, которое, не понимая его смысла, таскают в зубах говорящие, не понимающих его смысла слушающих ввергает в раздражение, в сар-

казм. Всем помолчать бы. Не лезть бы пока в высокие сферы. Понять бы себя, осознать бы себя смиренными первогодками в этой школе, одновременно пытающимися постичь новый предмет – русскую философию. Да ещё и несвежими, сильно запудренными мозгами. Довериться бы учителям. Ну, куда, право, самому до Франка – без провожатого?.. Скорее всего, как войдёшь, так и выйдешь.

Редлих ведёт тактично и бережно, не поучает, не назидает. Помогает понять. Этот его такт, эта бережность к нам, нашим любимым мифам, дорогим игрушкам, стойким иллюзиям, навязчивым идеям – всё это проходит в книге насквозь.

Так же, кратко и внятно представив, он введёт нас в книги Бориса Петровича Вышеславцева – прямого ученика Новгородцева и Трубецкого. По словам Редлиха, Вышеславцев блестящий диалектик. Введение диалектического принципа в солидаристический взгляд на мир – его заслуга.

„Свобода как шанс и риск“ – так называется глава, посвящённая Сергею Александровичу Левицкому – достойному преемнику той линии философии, начало которой положил Вл. Соловьёв. Впрочем, преемником назвал Левицкого Лосский. Редлих же считает Левицкого не только преемником, но и зачинателем. Именно Левицкий заложил основы мышления, которое можно назвать солидаристическим.

Название одной из основных книг Левицкого, с которой знакомит своих читателей Редлих, – „Трагедия свободы“. Огромная литература в мире посвящена проблеме свободы. „И неудивительно: судьба высших ценностей и святынь тесно связана с началом свободы“.

Глубоко в человеческой природе коренится стремление к самооправданию. „Я не мог поступить иначе“ – как часто мы говорим это другим или себе. А ведь это не что иное, как стремление снять с себя ответственность, сослаться на то, что моя воля не свободна. А ведь моя заслуга, как и моя вина, возможна только тогда, когда я свободен.

Всё возвышенные темы – „Свобода и сущее“, „Свобода и творчество“, „Свобода и ценности“, – огромное удовольствие размышлять над ними в обществе знающего учителя.

Глава, посвящённая Сергею Николаевичу Трубецкому, называется „Начало соборности“. „Соборность“ – слово, не менее часто употребляющееся сегодня, чем „духовность“. И так же отвратительно понимаемое, если не сказать, вовсе не понимаемое равно говорящими и слушающими. Что же... Признаюсь: даже прочитав главу о философии Трубецкого в книге Редлиха, я так до конца и не поняла, что же такое „соборность“. Суть, этого философского термина осталась для меня закрытой. И я надеюсь с помощью Редлиха хоть когда-нибудь понять до

конца, что он значит.

„Солидарность и право“, по Евгению Николаевичу Трубецкому, „О сопротивлении злу силою“, по Ивану Александровичу Ильину, – книгу Редлиха можно было бы, наверное, назвать и введением в Русскую философию... Но заканчивается первая часть книги и начинается вторая. Пара страничек вместо введения в неё: „Солидаризм и наука“. И, прежде чем я перейду к рассказу об этой части книги, отрывок из Романа Редлиха. Он – о солидаризме. Что же такое в конце концов солидаризм?

„При всём уважении к науке и к методам научного познания, давайте отбросим внушённые многодесятилетней марксистско-ленинской пропагандой представления о науке как исключительном источнике философских и политических взглядов. Наш солидаризм не наука...“

Вот так. Не наука? Но что же?

„Книжное обозрение“, № 42, 16 октября 1992 г.

10. Что такое солидаризм

„Наш солидаризм не наука. Он построен на нравственных убеждениях, а не на научных доказательствах. О том, что люди жаждут свободы и что дружба лучше вражды, мы знаем не из науки. И никакой идеальный строй не маячит перед нашими взорами как плод наших политических усилий. Мы не зовём к светлым далям и не претендуем на непогрешимость, а только честно стараемся найти общий путь с теми, кто любит свой народ и желает ему добра. Солидарист в наших глазах это прежде всего тот, кто всегда обращает внимание не на то, что разъединяет, а на то, что объединяет людей... Мы ищем не разногласий, а согласия (там, где оно возможно, разумеется). Наш солидаризм не столько теория, сколько сознательная установка воли на общее, по возможности дружное, служение общему делу, в политике – на служение нашей общей, всем нам принадлежащей стране и народу, к которому мы все принадлежим“.

Отрывок большой – и содержательный. Желая представить читателям после многодесятилетней лжи о солидаристах хоть малую (для начала) часть правды, я неизбежно стала перед необходимостью дать чёткий ответ на вопрос, „что такое солидаризм“. Помогает Роман Редлих своей книгой „Солидарность и свобода“.

Демократия для солидаристов не сводится к народоправству, и тем более не сводится к либеральной парламентской республике. Самое ценное в демократии для солидаристов – принцип автономии личности и автономии союзов. Ведь автономно не только человеческое „я“, но и человеческое „мы“ как результат объединения людей в самостоятель-

ные, самодеятельные союзы.

Корни этого замечательного принципа – принципа автономии находятся в античной философии, в христианском вероучении. Но политически это ещё очень новый, совсем молодой принцип.

Демократия „по Вышеславцеву“ не факт и не данность, а задание. „Реализация автономии и свободы, составляющая её сущность, есть бесконечная творческая задача, устремлённая в будущее“. К рассуждениям Вышеславцева Роман Редлих считает нужным добавить, что „на самом деле общество не просто сумма составляющих его самостоятельных личностей, а государство не просто собрание одинаковых атомов-граждан“. Редлих напоминает, что именно это представление ограничило демократию рамками государства, надолго затормозив развитие свободных ассоциаций, в которых, по представлениям солидаристов, и должна выразить себя демократия будущего.

И всё-таки первое, о чём считает нужным говорить, растолковывая суть солидаризма, философ Редлих, – гарантии гражданских прав, утверждая, что именно гарантии гражданских прав и есть главное достоинство современной демократии.

Права человека и гражданина стоят как бы над государством. Они не дарованы человеку, но принадлежат ему от природы. „Государственная власть может нарушить их, – читаем в книге „Солидарность и свобода“, – тирания может попирать их и издеваться над ними, но отменить их никто не может“.

В современной систематизированной форме неотчуждаемые права каждого выражены в американской „Декларации независимости“ и во французской „Декларации прав человека и гражданина“. В классических формулировках, данных двумя этими документами, они – неотчуждаемые права – стали постулатом современной политической мысли, принятым во всём культурном мире.

Книга анализирует, толкует, рассуждает о высоких и в то же время таких горячих для нашей жизни материях настолько по-человечески просто, что многие её страницы звучат как напоминание всем слишком разгорячённым об их человеческой природе. В самом деле, человек никогда не живёт один. Наоборот, человеческая жизнь, начиная с семьи и кончая высшими духовными функциями, всегда имеет форму общественной жизни, совместного бытия и содружества. И это необходимое выражение исконной солидарности, лежащей в самом основании человеческого бытия. Люди не потому живут в обществе, что многие члены общества объединились и заключили между собой общественный договор, находя такой способ жизни более удобным и выгодным. Нет, люди живут в обществе потому, что человек стал человеком,

уже будучи членом семьи, и по самому своему существу не умеет и не может жить иначе... „Изолированно мыслимый индивид – пустая абстракция. Лишь в соборном, общественном бытии, в единстве того или иного „мы“ подлинно реально то существо, которое мы называем человеком“. „Классовая принадлежность, классовое самосознание, классовые интересы, – пишет Редлих, играют во всём этом свою роль, разумеется. Но классовая солидарность – далеко не единственный вид солидарности“.

Конечно, в любом общественном объединении свобода человека ограничена (женатый менее свободен, чем холостяк). Но пожертвовать частью своей свободы – неотъемлемое естественное человеческое право. Между крепко спаянной группой единомышленников, готовых на всё ради общего дела, и акционерным обществом с ограниченной ответственностью разница огромна. Но и то и другое сообщество может оказывать влияние на политику, может быть демократично и антидемократично в своей структуре и в своих целях. Об этом влиянии, этих структурах, этих целях, о характере солидарности, определяющей и внешний облик, и внутренний смысл любого человеческого союза, о специфических свойствах, о правах и обязанностях, лежащих на каждое общее „мы“, солидаристы думают особенно много.

Солидаристическая государственность стремится уравновесить и гармонизировать интересы так, чтобы солидарность перевешивала соперничество и борьбу, так, чтобы совместное существование было предпочтительнее раздельного.

Сторонники демократии давно поняли, что свобода и автономия – это „я сам“. А солидаристы поняли ещё, что это также „мы сами“. Солидаристы стремятся к тому, чтобы государство не миловало и карало, а увязывало и согласовывало между собой наши стремления и интересы. Чтобы оно было не всевластным хозяином (даже если большинство из нас выбрало его себе вопреки меньшинству), а координирующей и гармонизирующей инстанцией. Чтобы управление заключалось „в адаптации, в приспособлении друг к другу нескольких солидарных, в силу общего интереса, групп в определённой объёмлющей их группе или системе“.

Русский профессор Г.К.Гинс предложил в малоизвестной, но, по словам Редлиха, замечательной книге „От либерализма к солидаризму“ (книга вышла в Харбине) даже разработать особый вид права – „координационное право“. В качестве примера такого рода норм права Гинс указывает на правила уличного движения. Ведь они отнюдь не устраняют свободы передвижения. Они только согласовывают движение так, чтобы один вид его и одно направление не препятствовали бы другому.

Полагаю, что для множества моих сограждан (увы, для меня тоже), чья психология сформировалась в годы несвободы, эти идеи покажутся, позволю себе заметить, несколько избыточно демократическими... Так уж всё только координировать?.. Очень бы хотелось всё же кое-что и запретить. Впрочем, на дороге ведь категорически нельзя резко поворачивать вправо. Как и влево... Обязательно нужно держать дистанцию. И ни в коем случае нельзя ехать навстречу движению...

Солидаристы недаром называют себя „народно-трудовой союз“. Они не мечтают убрать из жизни зарплату и превратить труд исключительно в потребность и удовольствие. Они считают, что добиваться управления предприятием всем составом на нём работающих бессмысленно так же, как строить воздушные замки. „Но стремиться создать условия, превращающие трудовую солидарность работников в доминанту их поведения на предприятии, можно и должно“. Мы потому и называем себя солидаристами, пишет Редлих, что ищем и будем искать всё новые способы выработки этой доминанты, не пренебрегая ни одной из открывающихся возможностей и не отказываясь ни от одной оправдавшей себя структуры.

Взгляд на профсоюзы и иные объединения, на семью и нацию, взгляд на мироустройство и суверенитеты – в книге Романа Николаевича Редлиха „Солидарность и свобода“ прочтёте об этом и ещё о многом.

Для людей, интересующихся не существовавшим семьдесят с лишком лет на Руси предметом – русской философией, – эта маленькая книжка станет первым учебником, вводящим, может быть, в большую науку. В науку, где очень много дивных, ещё не только не прочитанных и даже не открытых нами, но даже и не изданных у нас книг. Для тех, кто прочитал цикл моих статей об НТС и хотел бы стать членом этого Союза, „Солидарность и свобода“ станет, может быть, первым собеседником. А те, у кого при слове „НТС“ волосы от ужаса вставали дыбом, прочитав книгу Романа Редлиха, возможно, ужаснутся, представив себе, какую же преступную ложь, колоссальную, бесстыжую ложь обрушивала на наши головы советская пропаганда. Вот, оказывается, чему в самом деле стоит ужасаться, подумают, вероятно, эти люди. И вот от чего волосам–то, и правда, не грех встать дыбом...

Мой первый цикл статей об НТС завершён. Но я отдаю себе отчёт в его многочисленных несовершенствах. Мне кажется даже, что я вижу эти несовершенства лучше, чем многие мои критики. Только один их упрёк позволю себе отвести прямо сейчас, прямо здесь. Говорят, мои статьи об НТС страдают односторонностью. Говорят, всё, что я опубликовала, есть одна апологетика, и более ничего. Я это, как принято сейчас говорить, отвергаю. И не потому, что не согласна с сутью подобных

высказываний. Согласна, мои дорогие.

Да только объективный взгляд на НТС, „взвешенные“ (ненавижу это слово) оценки их деятельности, упрёки, критика – мне всё это представляется неуместным и с точки зрения нравственной просто недопустимым в первом – подчеркиваю – в первом знакомстве с ними на их родине. Они за свою родину гибли, бедствовали, умирали, себя не щадили. „Да возвеличится Россия, да гибнут наши имена“ – вот какие слова были всегда их девизом. Они жили своей – нашей – Россией вдали от неё, они рвались в Россию, рискуя быть пристреленными, искалеченными, брошенными в лагеря, рискуя сгинуть, пропасть, пережить, а скорее всего не пережить унижения и пытки, голод и побои и всё это их – наша общая с ними – родина обеспечивала им в полной мере. Она стреляла из-за угла в членов НТС, она похищала их и душила, она бросала в них бомбы, ловила их, как загнанных зверей, как страшных преступников, пытала их и сажала в казематы, гноила в тюрьмах. И, Господи, как же она была неукротима, как изобретательна во вранье про них. Ни на год с момента образования организацим до самого последнего времени – ни на год со своим враньем не умолкнув. Как подумаешь, сколько моих коллег зарабатывали себе на машины и дачи враньем об НТС... Сколько лет возможны были только их – „односторонние“ – публикации!

Лица некоторых из них, между прочим, встают у меня перед мысленным взором (прошу прощения за пошлость, но я намеренно не ищу ради этих сытых морд свеженьких слов, обойдутся и штампом).

Время споров впереди. Сейчас время обрадоваться после долгой разлуки. Мы ещё обживёмся, ещё потолкуем. А пока... Им надо войти и оглядеться, и успокоиться. Ведь они-то знают, всегда знали, что здесь про них врут. Они-то знают, что у многих при слове „НТС“ волосы встают дыбом. Это мы – не знали, а то и до сих пор не хотим знать.

Односторонние, говорите, мои публикации? А не грех опубликовать кое-что „с этой стороны“ после десятилетий, в течение которых публикации шли потоком, и всё только „с той стороны“.

Я не раз ещё расскажу вам о замечательных книгах „Посева“.

„Книжное обозрение“, № 45, 6 ноября 1992 г.

Ответственный за выпуск В. Рыбаков, Е. Трифонов

Подписано в печать

Печ. л. 2,0. Изд. л. 4,0 Тираж 5000 экз.

Адрес редакции: М., 3-я Песчаная, 5—16

Изд-во «За Россию» ЛР № 062300; 4С7 (03)